

Эдмунд СПЕНСЕР (1552-1598) уже при жизни считался непревзойдённым мастером английского стиха, поэтом поэтов, что не помешало ему умереть в крайней нищете, когда очередное восстание в Ирландии лишило его средств к существованию. Величайшее творение Эдмунда Спенсера, поэма "Королева Духов", осталось незавершённой, но и в таком виде количество написанных строк приближается к сорока тысячам, хотя поэт написал только шесть книг из предполагаемых двенадцати. Каждая из написанных книг посвящена той или иной рыцарской добродетели. Так первая книга поэмы включает в себе легенду о Рыцаре Алого Креста или о Святости; во второй книге мы находим легенду о сэре Гюйоне или об Умеренности; третья книга - легенда о Бритомарте или о Целомудрии; четвёртая книга - легенда о Кэмбеле и Теламонде или о Дружбе; пятая книга - легенда об Артегэле или о Справедливости; шестая книга - легенда о сэре Калидоре или о Вежестве. На первый взгляд, может показаться, что построение поэмы абстрактно, схематично и мало чем отличается от заурядных средневековых аллегорий. Но стоит погрузиться в поэму, и такое предубеждение немедленно рассеется. Аллегория усугубляется чарующей пестротой, загадочной многосмысленностью. Аллегория не указывает ни на что внешнее, будучи аллегорией аллегории, что в свою очередь образует аллегорию и так далее без конца. Трудно себе представить, как могло бы закончиться подобное произведение, не производимое, а производящее самого себя как бы при невольном участии автора. Автор - строитель и одновременно пленник лабиринта, из которого читатель не может найти выхода, вынужденный объяснять подобную чарующую безысходность смертью автора, хотя автор, быть может, не умер, а только слишком углубился в свой лабиринт, как предок Лермонтова Томас Лирмонт ушёл в страну фей вслед за белым оленем. Кстати, поэму Спенсера можно назвать в переводе и "Королева фей", но *fairys* по-английски обоего пола, это именно духи. Принято считать, что королева духов аллегорически обозначает королеву Елизавету, но это опять-таки аллегория, Прекрасная Дама или София Премудрость Божия, которой привержен вдохновенный неоплатоник Спенсер. Веками английские поэты будут обращаться к таинственному девятистишию спенсеровой строфы. Ею писали Байрон, Шелли, Китс. Спенсерова строфа - ответ английского гения на поэтический вызов Данте Алигьери. *Terzarima* Данте (тройная рифма) - божественный вечный двигатель, выходящий за пределы творения к нетварному трёхклучию Троицы. Спенсер возводит в квадрат вдохновенное дантовское трёхзвучие, каждой своей строфой возвещает невероятную квадратуру круга, из которого нет исхода, ибо квадратура круга - это одновременно и окно в иной мир и сам иной мир: царство непроницаемой прозрачности.

Владимир Микушевич

Эдмунд Спенсер

КОРОЛЕВА ДУХОВ

Из поэмы

Книга первая

ЛЕГЕНДА О РЫЦАРЕ АЛОГО КРЕСТА, ИЛИ О СВЯТОСТИ

¹ Наряд пастуший сбрасываю с плеч;
Угодно ныне музе-чаровнице
В несвойственный мне труд меня вовлечь,
Чтоб трубный глас наследовал цевнице
И пел я гимны рыцарской деснице,

Прославив красоту любезных дам,
Чтоб мне примкнуть к священной веренице
Тех, кто привержен думам и трудам;
Любви и доблести я должное воздам.

² Так помоги мне, дева пресвятая,
Водительница мудрых девяти;
Мне свитки сокровенные читая,
Смиренного адепта просвяти,
Явив ему заветные пути,
Владычицы и рыцарей пречудных;
Стремился Танаквиллу обрести
Британский принц в скитаньях многотрудных;
Ты поддержи меня в моих истоках скудных!

³ Юпитера ужасный отпрыск, сын
Венерин ты, стреляющий из лука
В грудь рыцарю, ты, грозный властелин,
Чей роковой огонь - восторг и мука,
Лук отложи; пускай твоя наука
С твоею матерью поможет мне,
И Марс, чья власть - кровавая порука
В том, что восторжествуешь на войне,
Да на моей теперь пребудет стороне.

⁴ И ты, Богиня племени земного,
Ты, зеркало небесной красоты,
Владычица предела островного,
Светильник Феба, воссияй мне ты
Лучами ненаглядной правоты,
Хоть нет у слабых глаз обыкновенья
Воспринимать бессмертные черты,
Смиренного не отвергай ты рвенья
И от меня прими залог благоговенья.

ПЕСНЬ I

Вступает в битву тот, кто свят,
Нечестие поправ;
Но совратить его хотят,
И враг его лукав.

¹ Скакал красавец рыцарь по равнине,
И серебром сверкал надёжный щит;
В царапинах от прошлых битв поныне
Для недругов он страшен был на вид,
В сражениях кровавых не пробит;
Был конь достоин грозных испытаний;
Казалось, что узда ему претит,
И рыцарь был в сраженьях неустанней
Своих врагов, рождён для битв и для ристаний.

² Подобие Господнего креста,
Был на груди у рыцаря кровавый
Крест, и такой же посреди щита,
Свидетельство Господней вечной славы;
Не находила смерть сама управы
На смельчака; он твёрдо уповал
И обнажал свой меч не для забавы;
О чём-то рыцарь втайне тосковал,
Однако над врагом всегда торжествовал.

³ Он странствовал по воле Глорианы,
Он Королеву Духов звал своей;
Он в дальние навевывался страны,
А сам в душе стремился только к ней,
И взгляд её был для него ценней
Всех благ земных; и что ему препона,
Преодолеть которую трудней,
Чем пасть в бою без трепета и стона;
Он был готов сразить свирепого дракона.

⁴ На белоснежном ехала осле
Красавица; она была белее
Снегов самих; виднелась на челе
Печаль; пускай беспечным веселее,
Наездница, подобная лилее,
Под покрывалом сумрачным светла,
А тайная забота тяжелее,
Однако же, хоть жизнь ей не мила,
Барашка белого на поводу вела.

⁵ Была невинней агнца эта дева;
От всякого нечестия вдали
Росла и расцветала королева,
Чьи предки тоже были короли,
Исконные властители земли,
Но завладел державою счастливой
Враг дьявольский; с ним сладить не могли;
Считал он всю страну своей поживой,
И призван рыцарь был для мести справедливой.

⁶ За нею карлик плёлся кое-как,
Попутчик и слуга отнюдь не прыткий,
С трудом преодолевая каждый шаг,
Волок её дорожные пожитки;
Казалось, нёс он золотые слитки,
Но был Юпитер, как всегда суров,
И промочить грозил он их до нитки
Дождём, который лил из облаков,
И нашим путникам понадобился кров.

⁷ Неподалёку лес они узрели,

Где защищают в бурю дерева
Тех, кто достигнуть мог уютной цели,
От злобного укрывшись торжества
Там, где перечит проливню листва,
Весной образовав навес прохладный,
Где виден звёздный свет едва-едва,
Где даже дождь безвреден беспощадный:
Для странников уют укромный и отрадный.

⁸ И рыцарь с девой углубились в лес,
Где всё ещё звучали птичьих хоры,
Бросая вызов бешенству небес;
Заворожив гармонией просторы,
Гимн слышался в честь щеглы и кокоры,
Сосны и кедра; над землёй навис
Вяз-виноградарь; лучше нет опоры
Для лоз; там был царь дуб и лучник-тис,
Осина бочаров и скорбный кипарис.

⁹ И был там лавр, награда закалённых
И доблестных, ель в капельках смолы,
Ракита, соучастница влюблённых,
Береза, мать стремительной стрелы;
Точили мирру нежные стволы,
Бук щеголял отменной древесиной,
Там ясень был, достойный похвалы;
Дуб каменный соседствовал с маслиной,
И возвышался клён с непрочной сердцевиной.

¹⁰ Замешкались в лесу, восхищены,
А грозное ненастье миновало;
Путь продолжать с возвратом тишины
Призвание им уже повелевало,
Дороги между тем как не бывало;
Нельзя вперёд сквозь дебри заглянуть,
Их с толку что-то странное сбивало;
Среди различных троп неведом путь;
Задумались они, куда в глуши свернуть.

¹¹ Они решили двигаться упорно
По-прежнему, как двигались, вперёд,
Довольствуясь тропой самой торной;
Куда-нибудь она да приведёт,
Но лабиринт опаснее тенёт,
И путь прямой был схож с путём окружным;
Пещеру видит рыцарь; лишний гнёт -
Копьё; обременил копьём ненужным
Он карлика, готов остаться безоружным.

¹² Но дама вскрикнула: "Грозит беда
Вам, рыцарь; доблесть вам необходима;
Мы не к добру заехали сюда;

Опаснее всего огонь без дыма;
Погибель без примет непобедима;
Погубит вас неосторожный шаг!"
"Ах, госпожа, была бы невредима
Честь, - молвил он, - не страшен тайный враг
Для добродетели; с ней можно и во мрак!"

¹³ "Я знаю лучше вас, как здесь опасно, -
Сказала дама, - рыцарь, кто бы мог
Вас удержать! Пусть речь моя напрасна,
Но незачем переступать порог,
Чтоб отступить потом... Дурной итог!
Неладен этот лес, обитель злого,
Чудовища, чей мерзостен порок;
Назад!" "Ловушка для тебя готова, -
Воскликнул карлик, - здесь не место для живого!"

¹⁴ Однако же, отвагою влеком,
Неудержим в своём порыве смелом,
Вошёл в пещеру рыцарь прямиком,
Заворожён таинственным пределом,
Но луч напоминал о свете белом
И, отражённый сталью, наугад
Явил во тьме змею, хоть женским телом
Был наделён ползучий этот гад,
Отвратный, мерзостный, чьё существо - разврат.

¹⁵ Лежала на земле средь комьев грязных,
Чудовищный вытягивая хвост,
Клубившийся в извилах безобразных;
Вокруг неё кишмя кишел подрост:
Змеёныши; они, как на помост,
На тулово влезали, где угодье -
Для них сосцы, отравно-сладкий грозд;
Для гадов слабый свет, как половодье,
И скрылось у змеи во рту её отродье.

¹⁶ И вздрогнула змея, чей образ лжив,
Вся напряглась от жуткого испуга,
Пока последний не исчез извив;
Отчаянная грозная потуга!
Змею страшила крепкая кольчуга,
В кромешной тьме безжалостно светла;
Для гада свет ужаснее недуга;
Благоприятствовал исчадью зла
Мрак; выдержать змея сиянья не могла.

¹⁷ Неустрашимый рыцарь в бой рванулся,
Как на добычу разъярённый лев;
Гад на клинок сверкающий наткнулся,
Во тьме пещеры скрыться не успев,
И овладел змеёю лютый гнев;

Она хвостом колючим угрожала,
От бешенства свирепого вскипев;
От рокового уклонившись жала,
Он в шею поразил противницу сначала.

¹⁸ Лучом ослеплена, оглушена,
Взъярилась всё же хищница дурная,
Ударом смелым не сокрушена;
И сила пробудилась в ней двойная,
Громаду мышц чудовищных взрывая;
Змея взвилась, как дьявольский аркан,
Врага воинственного обвивая;
О Господи! Так душит нас обман,
Палач безжалостный и мерзостный тиран.

¹⁹ Вскричала дама: "Рыцарь, не грешите!"
Вернёт вам вера силу в страшный час!
Чудовище скорее задушите!
Иначе гадина задушит вас".
Пришёл к нему на помощь нежный глас,
И пробудилась в нём былая сила;
Свободная рука на этот раз
Змею за глотку яростно схватила,
Так что змея душить героя прекратила.

²⁰ Извергла пасть её тогда поток
Зловонной, чёрной, пакостной отравы;
Валилось мясо за куском кусок
Из чрева, и от этой смрадной лавы,
Не завершив заслуженной расправы,
Отпрянул рыцарь, дрогнул и ослаб;
В блевотине змеиной были главы
Поганых книг, и легионы жаб
Безглазых шлёпали, не пряча липких лап.

²¹ Отец Египта, наречённый Нилом,
Порою затопляет берега,
Одаривая землю жирным илом,
Где всякая плодится мелюзга,
Которой эта жижа дорога;
Вода спадает вновь, но вместе с грязью
Прибрежные долины и луга
Покрыты размножающейся мразью,
И не сравнится с ней никто по безобразью.

²² Так рыцаря сразил отвратный смрад:
Он длань свою разжал, изнемогая,
И сразу же приободрился гад,
Гадёнышей из чрева извергая;
Чудовище спасти могла такая
Подмога, словно выползла вражда,
Воителя не то чтобы пугая,

Нет! Облепила чёрная орда
Отважного: нашлась для рыцаря узда.

²³ Как в час, когда садится огнезrachный
Феб, а пастух с высокого холма
Взирает на стада, и вечер мрачный
Их не страшит, и сочные корма
Им в прок, но досаждают людям тьма
Кусачая и с комариным роем
Сражается пастух, охоч весьма
Покончить с тихим, вкрадчивым разбоем,
И деревенщина становится героем.

²⁴ Так рыцаря страшил скорей позор,
Чем гибель, чьи безжалостны покровы;
Он яростный почувствовал задор,
Любой ценою победить готовый;
В его душе пыл возгорелся новый,
Который рыцаря обуревал,
От туловища, где таились ковы,
Он голову врагини оторвал,
Кровь пролил чёрную и восторжествовал.

²⁵ Её помёт, узрев, что мать пала,
Пугливую затеял суету
И попытался скрыться, как сначала
Привык скрываться, у неё во рту,
Но, страшную почуввав пустоту,
Невольно, вопреки боязни грустной,
Змеёныши впились в нечистоту,
Глотали кровь родительницы гнусной
И смерть её нашли питательной и вкусной.

²⁶ Отвратно было рыцарю смотреть,
Как пожирают мать свою малютки;
Ещё бы! Не успела умереть,
Как на неё набросились ублюдки,
Раздулись у змеёнышей желудки,
И вывалились вскоре потроха;
Так завершился пир последний жуткий
Тех, чья порода мерзостно плоха:
Так жрут самих себя исчадия греха.

²⁷ На битву дама издали смотрела;
Приблизившись, она произнесла:
"Сражались вы, достойный рыцарь, смело;
Вам по плечу великие дела,
И будет вам сопутствовать хвала,
Как тем, кто под звездой рождён счастливой;
Вы дали первый бой исчадью зла.
И победили в битве справедливой;
Желаю вам дружить с победой горделивой".

²⁸ Сел рыцарь благородный на коня
И вместе с дамой в путь пустился снова,
Призванью верность бережно храня,
Однако больше ничего дурного
Не встретил он средь сумрака лесного,
А кроме приключений и тревог
Не чаял рыцарь ничего иного;
Обследовал он множество дорог;
Был к самому себе, как прежде, рыцарь строг.

²⁹ И наконец, им встретился в дороге
Почтенный старец; в чёрное одет,
Он шествовал, печальный, босоногий
Под бременем своих преклонных лет;
Как лунь, был бородатый путник сед;
Казалось, покаянию всецело
Он предан в память неких тяжких бед;
Бил в грудь себя прилежно то и дело,
И книга у него на поясе висела.

³⁰ Отвесил старец рыцарю поклон,
И тот ему ответствовал учтиво,
Спросив его, не ведает ли он,
Где приключенья водятся... "Не диво, -
Старик ему ответил незлобиво, -
Что приключенья манят храбрецов;
Перебирая чётки терпеливо,
Спаستись надеюсь я в конце концов,
А приключения не для святых отцов.

³¹ Однако, рыцарь, может быть, и кстати
Вы задали мне только что вопрос;
И расскажу я вам о супостате:
Страну терзает этот кровосос".
"Что ж! Где бы негодяй не произрос, -
Ответил рыцарь, - и в каком бы месте
Не обитал, я не боюсь угроз;
Не избежит он справедливой мести,
Иначе рыцарству, поверьте, мало чести".

³² Сказал старик: "Живёт он далеко,
И обиталище его ужасно;
Туда добраться, рыцарь, нелегко..."
"Собою вы рискуете напрасно, -
Вскричала дама, - разве не опасно
Сегодня снова ввязываться в бой?
Нельзя сражаться, рыцарь, ежечасно...
И солнце день заканчивает свой,
Гоня коней своих под зыбью голубой...

³³ И вы, как солнце, рыцарь, отдохнёте,

Придут к вам силы новые с утра,
И подвигов искать вы вновь начнёте".
"Усталость не доводит до добра,
И отдохнуть, конечно, вам пора, -
Старик добавил, - средь пути мирского
Сулят ночлег скитальцу вечера;
Пристанище в лесу для вас готово".
И славный рыцарь внял словам отца святого.

³⁴ И в скит отшельник путников привёл;
Таился скит в глухом лесистом доле,
Вдали от городов и людных сёл,
К таинственной предрасположен доле,
Никем не посещаемый дотолё;
Часовня там была, где горячей
Молитва в заповеданном глаголе,
Казалось бы, от утренних лучей
И вечером, и тём прозрачный там ручей.

³⁵ Расположились под убогим кровом,
И время безмятежно потекло,
Неуловимо скрашенное словом
Искусным, от которого светло,
Как будто бы заманчивое зло
К подвижнику приблизиться не вправе;
Язык его был скользким, как стекло;
О папах говорил, о Божьей славе;
Благочестиво повторял притом он: Ave!

³⁶ Тем временем уже настала ночь,
И сладостная вестница Морфея,
Которой никому не превозмочь.
Роса ресницы увлажнила, вея
Дурманом и во мраке грёзы сея;
Гостей в покои проводил старик
И, проявляя навык чародея,
Магических своих коснулся книг;
Чтоб в сумрак сонных душ закрасться, как в тайник.

³⁷ Лукавые шептал он заклинанья,
(Читать их грех), ночную тишину
Он отравил, свои собрал он знанья
И разбудил Плутонову жену;
Взяв на себя тягчайшую вину,
Оклеветал он Господа, чья свита
Коварному враждебна ведуну,
Призвал Горгону (адски ядовита
Она, страшилище для Стикса и Коцита).

³⁸ Он тьмою беспросветно гробовой
Повелевал, и откликались духи
И над его проклятой головой

Кружили, суетливые, как мухи;
Распространять видения и слухи
Они способны были, пособив
Его друзьям, врагам суля разрухи;
Он выбрал двух; из них был каждый лжив,
Один послушнее, другой же сам ретив.

³⁹ Послушный вестник поспешил к Морфею;
Он миновал просторы тёмных вод;
Со всею расторопностью своею
Он в потроха земли проник, под свод
Таинственный, где сумрачный оплот
Морфея; там постель ему Фетида
Всегда кропит, а Цинтия с высот
Росу роняет, а под ним хламида
Угрюмой ночи: тьма без образа и вида.

⁴⁰ Двойные на запоре неспроста
Из полированной слоновой кости
И в серебре запретные врата;
Их сторожили псы в подспудной злости,
Чтоб не вошли непрошенные гости,
Заботы, например, смущая сон,
Однако легче пуха, гибче трости
Дух миновал преграду и заслон;
К Морфею спящему сумел проникнуть он.

⁴¹ Баюкал спящего поток певучий,
Веками низвергаемый горой,
И тихий дождь, струящийся из тучи,
И ветер быстрый со своей игрой,
Как будто бы жужжал пчелиный рой;
Сны навевало вечное звучанье,
И не могло бы вторгнуться порой
Из-за стены враждебное рычанье;
Царил в покоях мир и вечное молчанье.

⁴² Стремительный приблизился посланник,
Но спящий не откликнулся на зов;
Его сотряс тогда воздушный странник,
Любой ценою разбудить готов
Морфея, к неподвижному суров,
Однако только лепет однотонный
В ответ услышал вместо чётких слов,
Не отступил гонец неугомонный,
А спящий бормотал, вернее, бредил сонный.

⁴³ Морфея дерзкий дух сильнее сотряс
И пригрозил воззвать к самой Гекате,
И тот приподнял голову, но глаз
Не открывал, и, не сдержав проклятий,
Спросил, кто разбудил его некстати;

Проворный дух ответил: "Архимаг,
Премудрый повелитель нашей рати,
Одну из грёз полживее во мрак
Просил послать, чтоб спящему попасть впросак".

⁴⁴ Исполнил просьбу бог, сновидец вечный;
Он выпустил одну из лживых грёз
И снова погрузился в сон беспечный,
Не ведая ни горестей, ни слёз;
Как жаворонок взмыл в небесный плёс,
Дух, покидая мрачную обитель;
На крылышках он грёзу ввысь вознёс,
Полётов ослепительных любитель,
Дух поспешил туда, где ждал его властитель.

⁴⁵ Тот к чарам соблазнительным прибеж;
Из грёзы даму сделал он умело,
Её для мнимых предназначив нег;
Из воздуха соорудил он тело,
Облёт его искусно тканью белой,
И чёрный плащ на гибельную ложь
Накинул; вожделенье завладело
Волшебником; так призрак был хорош;
Он был, обманчивый, с прекрасной Уной схож.

⁴⁶ Волшебник повелел той грёзе праздной
На доблестного рыцаря напасть,
Обворожить его мечтою грязной,
Внушить ему губительную страсть,
Чтобы грешил он, беззащитный, всласть,
Изведав обаянье твари мнимой,
Которую магическая власть
Во тьме произвела, таясь под схимой,
И уподобила лукаво даме зримой.

⁴⁷ И начался богопротивный труд;
В сон рыцарский обманщица закралась;
Зловещим пылом сладострастных смут
Прельстить она героя постаралась;
Расчётливая, к сердцу подбиралась;
Как будто дама с ним легла тайком
И похоть в ней развратно разгоралась,
И ей как будто блудный пыл знаком,
Распространяемый Венериным сынком.

⁴⁸ Казалось, привела сама Венера
Её на ложе, где царит порок
Податель сладострастного примера,
А он-то думал, что она цветок,
Чистейший, добродетели залог,
Дочь короля, твердыня и опора
Обычая, который с детства строг,

А тут средь певчих граций дочь позора,
Которую плющом своим венчала Флора.

⁴⁹ Тогда напал на рыцаря испуг,
И пренебрёг он беззаконной данью;
Он вожделење принял за недуг,
Не поддаваясь грешному желанью,
Хотя его к преступному лобзанию
Подобием и призраком огня,
Прельстительно таясь под чёрной тканью
И прихотливой нежностью дразня,
Женоподобная склоняла западня.

⁵⁰ И оскорблён таким бесстыдным жаром,
Неистовый почувствовал он гнев,
Готовый сокрушить одним ударом
Блудницу, но, собою овладев
И пристально на призрак поглядев,
Он испытать себя решил сначала;
Она же по примеру кротких дев
В отчаянье притворном зарыдала,
Как будто знатная красавица страдала.

⁵¹ И молвила: "Люблю я, рыцарь, вас;
Поэтому я с грозным роком в ссоре,
От злоключений рок меня не спас;
Слепой божок обрёк меня на горе,
Любить велел, но разве не в раздоре
Со мной любимый? Ненависть в ответ
Я вызвала, и я погибну вскоре;
И вам не жаль меня в расцвете лет?
Неужто, рыцарь, мне прощенья даже нет?"

⁵² Я ради вас покинула отчизну..."
Речь прервалась от слёз и от стыда.
Казалось, что справляет сердце тризну,
Оплакивая юные года,
Но дева продолжала: "Пусть вражда
Меня казнит, вы, рыцарь, пощадите
Мою любовь; она за вас горда..."
Ответил рыцарь; "Сами посудите:
Вам не грозит никто, а вы себе вредите..."

⁵³ Ответила: "Но я же влюблена!
О вас всю ночь я помышляю нежно;
Лишилась я спокойствия и сна,
А между тем вы спите безмятежно..."
Высказывала страсть она небрежно,
И рыцаря обманчивый разврат
Насторожил, что было неизбежно,
Ответил даже рыцарь: "Виноват!
Не видя ваших чувств, я согрешил стократ.

⁵⁴ Вы влюблены, и вас люблю я, впрочем;
Любовь мне ваша тоже дорога,
И мы друг друга попусту морочим!
Какого же боитесь вы врага?
Идите спать, и вся тут недолга!"
Напомнила ему, как чувство знойно,
И притворилась, что к себе строга,
Исчезнуть ей пришлось благопристойно,
Как будто на душе у призрака спокойно.

⁵⁵ За мнимую избранницу свою
Обидно было рыцарю при этом,
Кровь был готов он за неё в бою
Пролить, а между тем по всем приметам
Она способна пищу дать наветам;
И новый сон воздвиг над ним навес,
В тени цвели соблазны пышным цветом,
Но не прельстил героя блудный бес,
И новый морок вслед за прежними исчез.

ПЕСНЬ IV

¹⁶ Встаёт внезапно с царственного трона
Владычица; подать она велит
Карету; как, сверкая с небосклона
Аврора земнородных веселит
И радости грядущие сулит,
Так шествовала, радуя сияньем
Свой восхищённый трепетный синклит;
За ней, пренебрегая расстояньем,
Бежали, пленены волшебным обаяньем.

¹⁷ Она в карете едет золотой,
И царственную эту чаровницу
Не превзошла бы Флора красотой,
Весеннюю являя плетеницу;
Так боги смотрят на свою царицу,
Когда Юнона мчится сквозь цветы
К Юпитеру в чертог, а в колесницу
Павлины впряжены для красоты:
Очами Аргуса усеяны хвосты.

¹⁸ Шесть разных тварей двигали карету,
Советников на них сидело шесть;
Был верен каждый скотскому обету,
Усматривая в этом долг и честь,
И, пестуя заманчивую лесть,
Сидела Праздность на осле, неряха;
С ленивой животины лень ей слезть;
На ней чернела ветхая рубаха,

А чёрный капюшон свисал, как у монаха.

¹⁹ Молитвенник держа всегда в руках,
Молитв, однако, Праздность не читала,
Как настоящий делал бы монах;
Она в пустых мечтаниях витала,
Как будто бы, болезная, устала
И свесила головушку на грудь;
Звёзд с неба, словом, Праздность не хватала
И, не трудясь по сторонам взглянуть,
Не ведала, куда карета держит путь.

²⁰ Удручена разбухшим, слабым телом,
От всяких отстраняется забот,
Готова пренебречь малейшим делом
Во имя созерцательности; вот
Обманчивый губительный оплот;
С благоразумьем праведным в раздоре
Не в силах уберечься от невзгод
Дрожит в неизлечимой зябкой хвори;
Вот Праздность, первая в богопротивной своре.

²¹ На грязной отвратительной свинье
Обжорство величаво разъезжало;
Был каждый глаз подобен полынье,
Которую грозит подёрнуть сало;
Чудовище утробу ублажало,
Объев голодных; жирное мурло
На шее журавлиной выражало
Животный голод; вместо рта жерло
Сдержать блевотины зловонной не могло.

²² Одето лишь листвою виноградной,
Обжорство щеголяло без плаща
Своею плотью воспалённо-смадной;
Был на макушке венчик из плюща;
От жадности всем телом трепеща,
Не отрывалось от хмельного кубка,
Похожее на пьяного хлыща,
Который непригоден для поступка,
Не столько человек разумный, сколько губка.

²³ Для государя сущая беда -
Такой советник; тупость - не заслуга,
А тот, кого влечёт одна еда,
Едва ли различит врага и друга;
Не знает ни работы, ни досуга
Разъевшееся это существо,
Которое страдает от недуга:
Водянкою раздуто естество.
Второе из шести обжорство таково.

²⁴ Блуд сладострастный гордо ехал рядом;
На бородатом он сидел козле,
Чей пёстрый глаз косил ревнивым взглядом;
Козлу подобен был тот, кто в седле,
Весь как бы перепачканный в земле;
Однако дамам по сердцу паскуда;
Для них таится прелесть в явном зле;
Всегда была любительницей блуда
Неописуемая женская причуда.

²⁵ В зелёное одет, но налегке
Он внутренним не тяготился сором;
Держал он сердце напоказ в руке
Горящее, и всех прельщал позором;
Пренебрегая праведным укором,
Повсюду сеял шашни и грешки;
Гадателем он был, он был танцором,
Умел кропать любовные стишки,
И всюду расставлял он плотские силки.

²⁶ Он занят был всегда преступным гоном
За вожделенным, так как жаждал всех
Наперекор божественным законам;
Прельщал он женщин чаяньем утех
И всюду и всегда имел успех,
Неосторожных залучая в сети;
Подтачивал его, однако, грех
Отравой губительных соцветий;
Таков был Блуд, среди шести советник третий.

²⁷ Взобравшись на верблюда, как на трон,
Корыстнейшая Алчность восседала;
Два сундука свисали с двух сторон;
В них груды драгоценного металла;
И в подоле у ней монет немало;
Для ростовщицы вечной деньги - бог;
Продавшись дьяволу, не прогадала;
Решает прибыль, кто хорош, кто плох;
Добро и зло - весы, а весовщик - подвох.

²⁸ От смерти жизнь её не отличалась;
В разошедшихся ходила башмаках;
Хорошего куска ей не случалось
Съесть; лишь бы денег было в сундуках
Побольше; лишь бы золото в руках
Держать; что ей друзья и что родные!
И днём и ночью ненасытный страх:
Не потерять бы денежки шальные!
Так некоторые казнят себя больные.

²⁹ Не ведая покоя никогда,
Нажиться всюду Алчность норовила,

Как будто бы гнетёт её нужда;
Добычу ненасытная ловила,
Богатство нищетою объявила,
Хоть не было сокровищам числа;
Подагра, впрочем, хищницу травила;
К самой себе калека Алчность зла...
Среди шести она четвёртою была.

³⁰ Злокозненная Зависть гарцевала
На волке, замышляющем прыжок,
И жабу ядовитую жевала
Жевательница собственных кишок;
По челюстям тёк ядовитый сок,
А сердце в скорбном изливалось плаче,
Когда сосед преуспевал, как мог,
И утешалось, радуясь тем паче
Чужому промаху, беде и неудаче.

³¹ Усеян мириадами очей
Наряд её из выцветшего шёлка,
А в лоне у неё таился змей,
Как будто у неё нутро - кошёлка,
Где жало - смертоносная иголка;
Зубами скрежеща, глядит на скряг,
Чьё золото для глаз подобных колко,
И, гордой Люциферы тайный враг,
Обид желает ей, невзгод и передряг.

³² Так Зависть ненавидит благородных,
Всех тех, кто в изобилии щедрот
Питает сырых, нищих и голодных;
Косится Зависть на таких господ
И выдает их за презренный сброд;
Искусство тоже для неё не свято:
Она в поэтов яростно плюет,
Заразная, своей слюной проклятой.
Среди шести была злодейка Зависть пятой.

³³ А рядом с нею смертоносный Гнев,
Которым дерзко взнуздан лев опасный,
И всадник скачет, факел свой воздев;
Клеймит всех встречных пламенник ужасный,
В глазах огонь поблескивает красный;
Готовый всех неумолимо сжечь;
Жизнь - пепел для него и прах напрасный;
Не знает Гнев благословенных встреч;
Вскипает ярость в нём, рука сжимает меч.

³⁴ Был весь наряд его забрызган кровью;
Всех на куски свирепый рассекал,
Не поводя при этом даже бровью;
Повсюду жертв неистовый искал

И крови человеческой алкал;
На всех взирал он разъярённым оком,
Но в Гневе гнев нежданно смолкал,
И мучился в раскаянье глубоком
Убийца, совершив убийство ненароком.

³⁵ И у него была своя орда:
Кровопротитье, Ненависть и Злоба,
Смертоубийство, Ярость и Вражда,
Жестокость, ненасытная утроба,
Всех смертных доводящая до гроба,
Страсть, от которой душу не спасти,
Кровавый Морок, Жуть, его зазноба,
Сбивающая праведных с пути;
Таков был грозный Гнев, последний из шести.

³⁶ Над этою преступною упряжкой
Взвивался бич возницы Сатаны,
Чтобы не тяготясь работой тяжкой
Везли карету, как вести должны,
Восторгами толпы возбуждены,
Усердные хоть грешные клеветы
Дорогами туманной той страны,
Где, заблуждений суетных приметы,
Валялись черепа и бывшие скелеты.

³⁷ Карета грузно ехала в поля,
Где пышная природа не скудела,
Гуляющих цветами веселя,
А женскому коварству нет предела;
Дуэсса с Люциферою сидела,
Была красотка с виду хороша,
А рыцарем досада овладела;
Тщеславием позорным не греша,
Лишь к подвигам влеклась высокая душа.

ПЕСНЬ VIII

Артура дева призвала.
Повержен великан,
Дуэсса же посрамлена;
Разоблачён обман.

¹ О горе! Сколько обстоятельств тесных
В погибельные гонят нас врата
И праведник без помощи небесных
Сил пал бы, но спасает правота
И с ней любовь, пока она чиста;
Был приведён к плачевному итогу
Гордыней Рыцарь Алого Креста,

Но вот любовь пускается в дорогу
И Принца славного приводит на подмогу.

² Пред ними замок сумрачный возник,
И путники приблизились к твердыне;
У карлика из уст прорвался крик:
"Подумайте о бедном господине
Моём! Жестокой обречён судьбине
Он здесь; его тиранит лютый тать".
О беспощадном вспомнив исполине,
Принц даме предложил поодаль ждать
И убедиться, кто достоин побеждать.

³ Он к запертым приблизился воротам,
И перед ним не замок, нет, острог
Несокрушимым высился оплотом,
Пришельцев не пуская на порог,
Но затрубил оруженосец в рог,
Украшенный веселыми кистями
И грозное молчанье превозмог
Своими чудотворными вестями;
Злонравному внушал он страх перед гостями.

⁴ Всех сокрушал могучий этот звук;
Гремел он вопреки любым помехам
И слышался на три версты вокруг
Неодолимым троекратным эхом;
Он побеждал своим ужасным смехом
Обманчивые козни грёз и чар,
Торжествовал над вражеским успехом,
И, угрожая стражам вихрем кар,
Любые мог врата открыть его удар.

⁵ До основанья замок содрогнулся;
Врасплох застигнут хлопаньем дверей,
Сам великан в покоях ужаснулся,
Где тешился с Дуэссою своей;
Свирепых не страшился он зверей
И воинов, но тут при звуках рога,
Испуганный, он бросился скорей
Взглянуть, что там за недруг у порога;
Напала на него великая тревога.

⁶ Дуэсса в предвкушенье торжества
Помчалась вслед на звере многоглавом;
Была в короне каждая глава,
И вспыхивал на языке кровавом
Огонь, жестоким свойственный забавам;
Увидел рыцарь зверя, поднял щит
И на врага рванулся в гневном правом;
Пусть супротивник с виду ядовит,
Мечом сразить его отважный норовит.

⁷ Казалось, бой не страшен исполину,
Судьба к нему как будто не строга;
Занёс он суковатую дубину,
Чтоб сокрушить безжалостно врага;
Однако жизнь герою дорога;
Увидел он, что смерть ему грозила
И увернулся; здесь одна нога,
Другая там; чудовищная сила
Неуловимого героя не сразила.

⁸ Воинственный без ложного стыда
Схитрил, и помогла ему судьбина:
Не причинив отважному вреда,
Из рук могучих выпала дубина,
И хлюпнула податливая глина,
И на четыре ярда глубина
Отверзлась, как подземная пучина,
Ударом яростным потрясена;
Так ранит землю беспощадная война.

⁹ Когда Юпитер вдруг в припадке гнева
Грозою омрачит голубизну
И не щадя ни города, ни древа,
Карает землю за её вину,
Он мечет с неба молнию одну,
Потом другую в грешные долины,
Карая дерзновенную страну,
И остаются на земле руины,
И поднимаются над ними горы глины.

¹⁰ Дубину великан поднять не мог;
Завязла в глубочайшей из колдобин
Она, прервав губительный бросок;
Хоть великан свиреп, жесток и злобен,
Дубину вновь поднять он не способен,
И рыцарь шуйцу недругу отсек
Мечом, который молнии подобен;
Возмездия зловредный не избег,
И кровь его лилась быстрее горных рек.

¹¹ Прервался рёв из глотки исполина,
Ужасный голос гибельной тоски;
Ревел он, как последняя скотина,
И рёв будил глухие уголки;
Так на пустынных пастбищах телки`
Мычат, когда отсутствуют коровы;
Так бесятся кимврийские быки,
Откормлены и на убой готовы;
И рёву вторили окрестные дубровы.

¹² Постигнув, что судьба к дружку строга,

Дуэсса устремила в бой кровавый
И направила зверя на врага;
Был злобен хищник этот многоглавый
И наступал, плюясь огнистой лавой,
Но, верный господину до сих пор,
Сам взысканный при этом бранной славой,
Оруженосец дал ему отпор,
И меч его сверкал, неотвратимо скор.

¹³ Дуэсса же, глазам своим не веря,
Узрела в предстоящем грозный знак;
Она в сердцах науськивала зверя,
И свирепел неукротимый враг;
Зверь возомнил, что перед ним слабак;
Но дьявольской противился гордыне
Отнюдь не самый худший из рубак;
О доблестном он пёлся господине
И был в бою подобен истинной твердыне.

¹⁴ Тогда злодейка кубок золотой
Взяла, в котором дьявольские чары
Усиливали гибельный настой,
Текущее начало тайной кары;
Он зажигал в людской крови пожары,
Которых не смирить и не постичь;
Не брызги, нет, разящие удары;
Хлестнул оруженосца этот бич,
И подавил его мгновенный паралич.

¹⁵ Несчастный пошатнулся, оступился,
В беспомощном бессилии поник;
Когтями в шею зверь ему вцепился,
С дыханием в груди прервался крик;
Торжествовал свирепый в этот миг,
Поистине безжалостный ужасен,
Но в состраданье рыцарь был велик;
Хоть великан ему ещё опасен,
Герой пожертвовать вассалом не согласен.

¹⁶ Он по одной ударил из голов
Мечом неотвратимо беспощадным
И голову рассёк он до зубов,
Над зверем торжествуя кровожадным;
Так расправлялся с чучелом нарядным
Воинственно сверкающий клинок;
Мгновенно разливаясь морем смрадным,
Кровь хлынула - дымящийся поток,
И в жиже, хлюпая, тонул уже сапог.

¹⁷ И зверь взревел невыносимым рыком,
Который показался тем страшней
В отчаянье неистовом и диком;

Как падают с подкошенных коней,
С него Дуэсса падала, но к ней
На помощь великан тогда рванулся,
Как будто был он, раненый, сильней,
И каждый перед ним бы содрогнулся;
Так он ужасен был, что рыцарь отшатнулся.

¹⁸ Былая мощь двух великаньих рук
В одной руке со смертоносным жаром
Сказалась; поднял он дубину вдруг,
Противнику грозя таким ударом,
Который сокрушил бы в дубе старом
Нутро и фибры; был злодей сердит,
И угрожал он рыцарю недаром;
Обрушил он удар на звонкий щит,
И рыцарь доблестный был с ног мгновенно сбит.

¹⁹ Тут щит упал, и кожа соскользнула
С него, и словно солнце из-за туч,
Поверхность обнажённая сверкнула;
В глаза ударил великану луч,
Который был невыносимо жгуч;
Так великану молния пронзила
Глаза, хоть был он все ещё могуч;
Дубина тщетно рыцарю грозила,
Вновь наземь падая, героя не сразила.

²⁰ Был зверь многоголовый ослеплён
Щитом, в тени таившимся сначала;
Едва ли хищник не испепелён:
Свет солнечный поверхность излучала.
Погибель в сердце зверю постучала,
Сбивая с ног, сковав ему шаги,
И, падая, Дуэсса закричала:
"Нас побеждают лютые враги!
Так все мы пропадём, Орголь, помоги!"

²¹ Не мог не слышать жалобного зова
Злой великан; он всё ещё свиреп
И поднял бы свою дубину снова,
Однако безнадежно слаб и слеп
Пред солнечным щитом, как будто Феб
Обрѣк его навеки ослепленью
Таинственной волею судеб,
Так молния по Божьему веленью
Слепит глаза греху, пороку, преступленью.

²² Вновь устремился принц в жестокий бой
И, не боясь ни гибели, ни плена,
Блестящий меч занёс над головой
И ногу великану до колена
Отсек; она безжизненной полена

Свалилась; зашатался великан,
Как дерево, которому до тлена
Топор не дал дожить, упал от ран,
И стон слышался, как в бездне ураган.

²³ Как замок, поколебленный подкопом
И натиском затейливых машин,
Как бы размыт невидимым потоком
В подземных основаниях из глубин,
Вдруг рушится, повержен, в миг один
От яростного грозного удара,
Чтобы остаться грудой руин,
Так великана подкосила кара,
И, падая, потряс он глубь земного шара.

²⁴ Отважный рыцарь гнева не сдержал
В жестоком блеске грозного металла;
Был обезглавлен враг, и он лежал
Там, где лихая смерть его застала;
Сначала кровь потоками хлестала,
Образовав нечистые моря,
Но вскоре оболочку опростала:
Чудовищного нет богатыря;
Издых и сжался весь он вроде пузыря.

²⁵ Позорному обречена урону,
Дуэсса потрясённая скорбит;
Она бросает кубок и корону,
Увидев, что возлюбленный убит;
От роковых мучительных обид
Бежать она в отчаянье готова;
Оруженосец на неё сердит,
Он бдительней любого зверолова;
Злодейка поймана, судьбина к ней сурова.

²⁶ А царственная дева вдалеке
За битвою жестокою следила
В смятении, в тревоге и в тоске,
Но правота неправду победила;
Своим восторгом дева подтвердила
Победу: "Благородный рыцарь, вам
Я благодарна; неразлучна сила
С величием; награда по трудам,
Но как отважному за подвиг я воздам?"

²⁷ Ты отпрыск благороднейшего древа!
Я видела, как рисковал в бою
Собою ты, но как могла бы дева
Вознаградить великую твою
Отвагу? Всю себя я предаю
Тебе, но только Тот, Кто ни границей,
Ни временем не связан, Кто в раю

Царит, воздаст когда-нибудь сторицей
Тебе за то, что ты свершил своей десницей.

²⁸ Пусть, рыцарь, положили вы конец
Кровопролитной бешеной гордыне,
Началу подобающий венец
Даруйте, вечной следуя святыне;
Не дайте ускользнуть моей врагине,
Коварнейшей, опаснейшей из жён;
Из-за неё в узилище поныне
Мой рыцарь благородный заточён;
На помощь он зовёт, от жизни отлучён".

²⁹ Обманщицу, лишённую свободы,
Оруженосцу повелел стеречь
Отважный рыцарь и вошёл под своды
Туда, где можно ждать опасных встреч
И полагаться лишь на добрый меч,
Однако сколько доблесть ни кричала,
Казалось, человеческая речь
Доселе в тёмных залах не звучала;
Твердыня мрачная таинственно молчала.

³⁰ И в полумраке перед ним возник
Согбенный, с бородою белой, белой,
На палку опиравшийся старик,
Крадущийся походкою несмелой,
Беспомощной и как бы неумелой;
Давно погасли светочи очей,
Однако на руке его гремело
Немыслимое множество ключей
Заржавленных; но нет, старик - не казначей.

³¹ И наблюдать при этом было жутко,
Как он идёт, ступая наугад;
Он плёлся, в звуки вслушиваясь чутко,
Поворотив лицо своё назад,
Хотя вперёд смотреть идущий рад;
А сей слепец, исчадие обмана
Был в замке стражем всех дверей и врат,
Отец приёмный злого великана;
Игнаро звался он, и суть его погана;

³² Почтенье старец рыцарю внушал,
Казалось, отвечать готов не ложно;
"А где же челядь?" - рыцарь вопрошал;
Слепец при этом вздрагивал тревожно
И бормотал: "Ответствовать не можно..."
А где же тот, кого в плену морил,
Над кем глумился великан безбожно?
Старик одно и то же говорил;
"Не можно отвечать", - он снова повторил.

³³ Расспросов не кончает победитель;
"Ответствовать не можно", - всё твердит
Ему старик, дверей и врат блюститель;
Отважный рыцарь на него сердит:
"Невежество, по-моему, вредит
Вам, господин, хоть мудрости примета
Седины ваши; умник вы на вид,
Но не даёт разумного ответа
Благообразие, достойное портрета".

³⁴ "Ответствовать не можно", - повторил
Слепой старик бессмысленно и тупо;
И ярость принц в душе своей смирил,
Решив, что на глупца сердиться глупо,
Когда ему отмерен разум скупю;
Глупец премудр на первый только взгляд.
И вырвал принц ключи у полутрупа;
Не опасаясь никаких преград,
Отважно открывал он двери все подряд.

³⁵ Затеяливое видел он убранство
За каждой дверью и в любом углу,
Где обитало мерзкое тиранство
И наслаждалось роскошью в пылу
Своих злодейств; повсюду на полу
Засохла кровь, как будто закололи
Овечку или агнца в жертву злу
Средь пагубной безжалостной неволи;
Там пепел и зола - следы смертельной боли.

³⁶ Там находился мраморный алтарь,
Где кровь неутомимо проливали,
Преступно истязая Божью тварь;
На Бога христиане уповали,
Не погружались мученики в сон,
К возмездью справедливому зывали
Под алтарём, и жалобнейший стон
Оттуда слышался и после похорон.

³⁷ Был принц охвачен страстью бесполезной;
Открыл он дверь за дверью сгоряча,
Но дверью остановлен был железной;
От этой двери не было ключа,
Ни стража не видать, ни палача.
Но кто и где над пленником глумится?
Дознаться принц попробовал, крича,
Кто за решёткой ржавую томится
И на свободу в ветхом сумраке стремится.

³⁸ Из мрачной, непроглядной темноты
Донёсся глас, похожий на рыданье:

"Ты говоришь со мной? Но кто же ты,
Решившийся прервать моё страданье?
Три раза появлялась в мирозданье
На небосклоне новая луна
С тех пор, как в безнадежном ожиданье
Томлюсь я здесь, где мрак и тишина,
Неужто жизнь моя тобою спасена?"

³⁹ Из темноты безжалостно-кромешной
Спасителя на помощь рыцарь звал;
Томясь в печали скорбно-безутешной,
Он день за днём во мраке тосковал;
И победитель с петель дверь сорвал,
Почувствовав, какая мука рядом,
А под ногами у него провал,
Как будто он стоит над самым адом
И веет на него из преисподней смрадом.

⁴⁰ Но несмотря на мрак и трупный смрад,
Несчастный не остался без подмоги;
Бездельничать лишь белоручка рад,
К самим себе всегда герои строги;
Не мешкал победитель на пороге,
На белый свет он пленника извлёк,
Хотя тому отказывали ноги;
От солнца слишком долго был далёк
Он в заточении, где лик его поблёк.

⁴¹ Его глаза ушли в свои глазницы,
Пил ненасытный голод кровь из жил,
К ланитам прикасался мрак темницы,
Которому весенний цвет не мил;
Немые обитатели могил
Так выглядели бы, когда бы встали
Из гроба; рыцарь выбился из сил,
Хоть рассекал он прежде шлем из стали;
Теперь с цветком он схож, чьи краски отблестали.

⁴² Возликовала дева в первый миг,
Узрев его, но горько зарыдала,
Увидев омрачённый этот лик,
Который так сиял и цвёл сначала;
Его страданья дева угадала:
"Ах, что за смертоносная звезда
Вас, господин, во мрак препровождала,
Где лютая сразила вас вражда,
Кровь отравляя вам дыханием вреда?"

⁴³ Привет вам, рыцарь, в радости и в горе!
Мучителен без вас был каждый шаг;
В невыносимом гибельном позоре
Повержен ваш неумолимый враг;

Сменяется беда избытком благ,
Порой печаль предшествует наградам".
Однако слишком долго тяжкий мрак
Травил его своим смертельным чадом,
Он слишком долго был томим духовным голодом.

⁴⁴ А победитель молвил: "Госпожа!
Былые бередить зачем печали,
Непоправимым прошлым дорожа?
Напевы никогда не омрачали
Душ, для которых, скорбные, звучали;
Смысл прошлого, как ведомо давно,
В том, чтобы нас несчастья поучали,
Хоть каждому известно всё равно:
Блаженства смертному на свете не дано.

⁴⁵ Сил набирайтесь, рыцарь! Вы свободны.
Нет вашего свирепого врага;
Простёрт во прахе супостат негодный,
А вот и ведьма, злая пустельга.
Казнить её или пустить в бега,
Помиловать? Скажите, рыцарь, прямо".
"Раздеть её, и вся тут недолга! -
Вскричала Уна. - Казни эта дама
Не стоит, нет, она достойна только срама!"

⁴⁶ С неё сорвали головной убор
И совлекли роскошные наряды,
Которыми прельщала до сих пор,
Чаруя вождедеющие взгляды;
Казалось, несказанные услады
Пленительная нагота сулит;
Но обнажились дьявольские клады;
Описывать приличье не велит
Старуху мерзкую, отвратную на вид.

⁴⁷ На лысой безобразнейшей макушке
Торчали, против старости греша,
Средь лишаев гнилые струпья-стружки,
Короста накопилась и парша;
Подобие беззубого ковша,
Вонючий рот смердел, отраву множа;
Соски сочились жижей, как лапша;
С шершавою корой кленовой схожа
Была поблекшая морщинистая кожа.

⁴⁸ Но муза благородная чиста;
Пожалуй, покраснели бы чернила
При описанье лисьего хвоста
И наготы, прогнившей, как могила;
Орлиными когтями наградила
Природа-мать одну из гадких ног;

Другая на медвежью походила;
И кто бы отвращенье превозмог,
Узрев обличие, в котором жил порок?

⁴⁹ Куда девались прелесть и величье?
Не верят рыцари своим глазам,
Сказала Уна: "Таково обличье
Обмана, потакающего вам;
Вы посмотрите: обнажился срам
Дуэссы, обрекавшей смертных бедам".
Нагую ведьму никакой бальзам
Не исцелит; за мороками следом
Она пустилась в путь, который нам неведом.

⁵⁰ От ненавистного лица небес,
Свой стыд от глаз назойливых скрывая,
В пустынные пещеры или в лес,
Где темнота густеет гробовая,
Бежать пыталась ведьма чуть живая,
А рыцарей и деву привлекла
Обитель, где, на благо уповая,
Врачуют от безжалостного зла,
Среди сокровищ всех там благодать цела.

ПЕСНЬ IX

³³ Приблизились они к проклятой сфере,
Где злыдень окаянный обитал
В глухой, угрюмой сумрачной пещере,
Похожей на могилу в толще скал,
Как будто зев зияющий глотал
Тела умерших, а над горной кручей,
Пугая пташек, филин хохотал
И выл, не вынося других созвучий;
Лишь духи вторили ему в тени дремучей.

³⁴ Внушала ужас мрачная скала
И на деревьях странные предметы;
Везде висели мёртвые тела,
Над пустотой безжалостно воздеты;
Валялись под деревьями скелеты,
Заросшие зелёною травой;
Узрел приезжий эти силуэты
И скрылся бы, от страха сам не свой,
Однако рыцарь удержал его другой.

³⁵ Они вошли во мрак пещеры гнусной,
Где на полу проклятый кровосос
Сидел, привычно тешась мыслью грустной;
Костлявый череп у него зарос
Нечёсаными космами волос;

Глазницы были бедственно глубоки,
И заострился, вытянувшись, нос,
До самых челюстей ввалились щеки,
И в жилах, кажется, давно иссякли соки.

³⁶ Тряпьём прикрыты тощие бока,
Шипами сшиты тряпки неумело,
И стоит клоч дырявого клока,
А на полу в грязи валялось тело,
Которое уже окоченело,
Однако кровь ещё лилась, и что ж!
В крови зловеще лезвие чернело:
Заржавленный торчал из раны нож;
Такое зрелище и впрямь бросало в дрожь.

³⁷ Уверившись, что Тревизан правдиво
Рассказывал о гибели людей,
Вскипел отважный рыцарь, и не диво:
Для преступлений не было судей,
При этом, как собою не владей,
При виде жертв нельзя не возмутиться,
И крикнул рыцарь в бешенстве: "Злодей!"
Ты за убийство должен поплатиться,
И с жизнью самому тебе пора проститься!"

³⁸ "Как смеешь ты, - в ответ воскликнул тот, -
Мне угрожать бессмысленным укором?
Как будто каждый смертный не умрёт
Во времени безжалостном и скором?
Зачем дразнить судьбу напрасным спором?
Не лучше ли виновному уму
Смириться с неизбежным приговором?
Сам воздух не противен ли тому,
Кто, выбрав смерть, отверг постыльную тюрьму?"

³⁹ Неужто путь окажется напрасным,
Хоть человек спешил среди тревог
Домой, измучен странствием опасным,
А перед ним бушующий поток?
Ты сам подумай: разве не жесток
К завязшему в губительном болоте
Тот, кто ему при этом не помог
И отказал в участливой заботе,
Мол, пропадает пусть он по своей охоте?

⁴⁰ Усопший только может отдохнуть;
И ты признайся: разве не того же
Хотел бы ты, земной изведав путь,
Когда покой тебе всего дороже
И ты дрожишь в твоей непрочной коже,
А жизнь твоя мучительней вины?
Не бойся боли; сладостное ложе -

Могила, брег спасительной страны,
И после жизни смерть как мир после войны".

⁴¹ Замысловатой речью озадачен,
Ответил рыцарь: "Жизнь - военный стан,
Где часовому точный срок назначен,
Приказ ему прямой и чёткий дан;
А часовых сменяет капитан".
Ответил тот: "Однако часового
Сменяют, как бы не был воин рьян;
Так Провиденье Божие готово
В один прекрасный день освободить живого.

⁴² Не Бог ли сотворил Свой мир таким
На небе и земле, где всё живое
Когда-нибудь умрёт? Необходим
Его конец, мгновенье роковое;
Всё движется в пространство гробовое
Среди многообразных перемен,
Не оставляя никого в покое.
Предотвратишь ли неизбежный тлен?
Безоговорочно сдаются смерти в плен.

⁴³ Чем дольше жизнь, тем более ты грешен;
Чем тягостнее грех, тем строже суд;
И потому твой подвиг безуспешен:
Твои победы скорбь тебе несут,
И значит, побеждать - напрасный труд;
Ты всё равно за кровь заплатишь кровью;
Неужто доблести тебя спасут?
Ты подчинён смертельному условию:
Заблудший не придёт к надёжному становью.

⁴⁴ Зачем стремиться к мнимому становью?
Не лучше ли прилечь и отдохнуть?
Подобна затаенному нездоровью
Жизнь: у неё обманчивая суть.
Не лучше ли зловредный гнёт стряхнуть?
Что значит жизнь: труды, нужда, недуги,
Жар, холод, голод, боль, гоненья, жуть;
Что для фортуны все твои заслуги!
Жизнь отвратительна, и тщетны все потуги.

⁴⁵ Взвесь, рыцарь, весь непоправимый вред,
Которым подвиг твой вознаградила
Судьба, не оценив твоих побед;
Она тебя на муки осудила,
Во мрак тюрьмы тебя препроводила,
Где жизнь твоя на помощь смерть звала;
Пускай судьба тебя освободила,
Не избежишь ты пагубного зла,
И, право, лучше смерть, чем эта кабала.

⁴⁶ Неужто, грешник, лучше длить мороку,
Страдать и ждать плачевного конца?
Привык ты, что ли, к тяжкому obroку,
Который гложет нищего глупца?
Суд покарает лживые сердца.
Не изменил ты разве деве нежной?
Дуэсса не прельстила ли слепца
Растлением и суетой мятежной?
И как же избежишь ты смерти неизбежной?

⁴⁷ Ты думаешь, Господь несправедлив?
Но взгляд Его неколебимо ровен,
А жизнь твоя - преступнейший извив...
В твоих грехах, ты скажешь, Он виновен?
Его закон, однако, безусловен,
И все умрут, герои и цари;
Бежит песок... Так будь же хладнокровен!
Зачем тебе последней ждать зари?
Смерть - всем скорбям конец. Чего ты ждёшь? Умри!"

⁴⁸ Был хитроумным словом рыцарь тронут;
Отважного незримый ранил меч;
Казалось, в нём грехи былые стонут,
Их все разбередила эта речь;
А встреча с прошлым - худшая из встреч;
Всегда укор былого обоснован,
Хоть из него уроков не извлечь;
Был рыцарь обессилен, зачарован,
Как будто сладостный исход ему дарован.

⁴⁹ А злой безбожник всё это узрел;
Поверг он душу рыцаря в кручину
И, не жалея смертоносных стрел,
Разверз пред ним загробную пучину,
Явив ему ужасную картину;
Утратив навсегда сиянье дня,
Свирепому предавшись властелину,
Терзались души, жалобно стеля,
Язвимы бесами средь серы и огня.

⁵⁰ Очам погибель вечная предстала,
Как будто злую казнь сулил закон,
Всем полыханьем адского накала
Болезненно-тоскливый вызвав стон,
А негодяй лукаво сбавил тон
И показал мечи, верёвки, яды,
Мол, дожидаться смерти не резон,
К твоим услугам все её снаряды,
А гневу Божьему нет на земле преграды.

⁵¹ Однако рыцарь мешкать продолжал;

Тогда злодей снабдил его кинжалом,
И тот, как лист осиновый, дрожал
Перед стальным, кровопролитным жалом;
Стремительно, в смятенье небывалом,
Бежала, не предвидя тупика,
И в сердце билась кровь девятым валом,
Ни дать, ни взять, гонец издалека,
И поднялась уже, но дрогнула рука.

⁵² Сознание едва не потеряла
Красавица от страха и тоски,
Когда на это зрелище взирала,
Однако потрясенью вопреки
Нож выбила из рыцарской руки,
Воскликнув: "Кто тебе грозит уроном?
Тебя же убивают пустяки,
И никнешь ты пред жалким пустозвоном,
Хоть переведаться поклялся ты с драконом.

⁵³ Злодей! Каким стращаешь ты законом
Отважного, чья длань в бою крепка?
Он доблестен, а ты долдон долдоном,
Хоть каплет яд бесовский с языка;
Как благодать Господня велика,
Ты знаешь? Милосерден справедливый,
И как вина земная ни тяжка,
Прощён бывает грешник терпеливый;
Встань, рыцарь, и покинь вертеп сей нечестивый".

⁵⁴ И рыцарь встал, пустился вновь он в путь;
Едва поверить мог хитрец пещерный,
Что жертва умудрилась ускользнуть;
Повеситься пытался хищник скверный
В который раз, но грех неимоверный
Не позволял злодею умереть;
Ад перед ним зиял огнисто-серный,
Но как ни жутко заживо гореть,
Ждать вечной гибели он должен был и впредь.

ПЕСНЬ X

⁴⁶ Там холм служил подножием святыне,
Взметнув обрывистую высоту;
Часовенка виднелась на вершине,
А рядом старец обитал в скиту,
Житейскую отвергнув суету,
В молитвах непрерывных изливался,
Верховную прославив правоту,
Небесным Созерцаньем прозывался
И размышлениям о Боге предавался.

⁴⁷ Открыть немало истин старец мог,
Хотя с годами ослабело зренье,
Но, не желая знать мирских тревог,
В Творца всмотревшись, видел он творенье,
На солнечное, горнее горенье
Взирая наподобие орла,
А рыцаря сковало изнуренье,
И для него дорога тяжела,
Но Милость рыцарю взбираться помогла.

⁴⁸ Там старец был, годами умудрённый,
Длинноволосый, совершенно сед,
Как дуб, морозами посеребрённый,
Лучистым, цепким инеем одет;
Казалось, проходил сквозь кожу свет,
В костях и в жилах видимое тлело;
Был этот старец истинный аскет,
Без всяких яств молитвой жил всецело,
Плоть грешную смирял, чтобы воскресло тело.

⁴⁹ Не слишком рад был старец этим двум,
Взбиравшимся на высоту крутую,
Чтобы прервать поток небесных дум;
Однако чтил он даму, как святую;
Благоговел пред нею не впустую;
Приветив богоносную жену,
Явил учтивость рыцарю простую,
Спросив, зачем на эту крутизну
Карабкались к нему, как будто к ведуну.

⁵⁰ "Цель на земле, - разумница сказала, -
Всем надлежит преследовать одну:
Достичь верховного первоначала,
Чтоб, искупив гнетущую вину,
Войти навеки в звёздную страну,
Сияющую горними лучами;
Фиделия почтила седину
Твою; располагаешь ты ключами.
Наставь же рыцаря премудрыми речами!"

⁵¹ "Стократ блажен, - маститый старец рек, -
В своей земной, превратной, горькой доле
Стремящийся ко благу человек,
Подвластный неуклонной верной воле;
Однако не в твоей ли рыцарь школе
Принять бы мог небесную печать?
Искушена в Божественном глаголе
Земному ты способна сострадать,
Чтобы Господень гнев сменила благодать.

⁵² Ты, земнородный, чаешь высшей цели?
Тогда тебе дозволено узреть

То, что сын духов не видал доселе,
И ты блуждать уже не будешь впредь,
Вкусив блаженства неземную снедь;
Но, чтоб достичь обители желанной,
Во благе должен ты понатореть,
Очистившись молитвой неустанной
От грешной прелести смертельно-окаянной".

⁵³ Взошли на высочайшую из гор,
Подобную горе, где вестник Бога,
Раздвинувший до дна морской простор,
Чтобы сухая пролегла дорога
Средь красных волн для рати многоногой,
Провёл в уединенье сорок дней
И письма кровавые от Бога
На камне восприял среди огней
И молний, чтоб закон Господень был видней:

⁵⁴ Или горе священной, где маслины
Воспомянутое скорбное хранят
О том, как Бог не избежал кручины
В отчаянье своём навеки свят,
Достоин лавров, коих не сравнят
Поэты с вождельными венцами
Своими на вершине, где пьянят
Богини нас, чтоб овладеть сердцами
И землю одарить бессмертными певцами.

⁵⁵ И показал он рыцарю тропу;
Она напоминала склон отвесный,
Чтоб отвратить презренную толпу;
Был долог этот путь крутой и тесный,
Достойнейшего вёл во град небесный,
Чьи стены из отборных жемчугов;
Но кто воспеть способен град чудесный?
Нет у меня для этой песни слов.
Там правит Царь царей, там праведных покров.

⁵⁶ Увидел рыцарь: ангелы летали
С божественных небес друг другу вслед
И в городе таинственном витали
Средь знамений отрадных и примет;
Там человеку ангел был сосед,
И даже места не было потере
В чертогах, где сиял нездешний свет;
Спросить хотелось: в этой звёздной сфере
Какой народ живёт, какой повержен вере?

⁵⁷ Ответил старец: "Иерусалим
Перед тобою боготворный, новый,
Где Бог с народом избранным своим;
Там те, что были на земле готовы

К блаженству, к своему греху суровы;
Смыт кровью Агнца первородный грех;
Безвинный был заклан за наши ковы;
Крест - самая целебная из вех,
А в этом городе Всевышний любит всех".

⁵⁸ Воскликнул рыцарь: "В мире много слухов!
Клеополис я, впрочем, видел сам,
Прекрасный град, где Королева Духов
Царит, располагая к чудесам;
Я думал, все красоты мира там;
Перед Пантеей, башнею хрустальной,
Стоял я, мнил, что близок небесам,
Но меркнет всё пред этой беспечальной
Красой в прозрачности небесно-изначальной".

⁵⁹ Рек старец: "Это правда, а не ложь,
Но вопреки всем рассказам превратным
Клеополис действительно хорош,
И надлежит всем доблестным и знатным,
Всем тем, кто подвигам привержен ратным,
Служить его властительнице, чей
Род может называться благодатным,
Поскольку в нём сияние лучей
Небесных, а не блеск затейливых речей.

⁶⁰ Ты, юноша, английского ты рода,
Сын духов, ты девице помоги,
Которую преследует невзгода;
Упрочит правота твои шаги,
И дрогнут пред тобой твои враги,
Твой вознесётся щит над остальными,
Но почестями ты пренебреги;
Смой с дланей кровь; грозит она дурными
Последствиями; Бог над судьбами земными.

⁶¹ Тебе я предреку дальнейший путь;
Ты, привлечённый Иерусалимом,
Не пожелаешь в сторону свернуть,
И на земле ты будешь пилигримом,
И в рвении своём неутомимом
Ты будешь вечной принят высотой,
Где сонм святых сияет в свете зримом;
Святой Георгий, славен правотой,
Весёлой Англии ты будешь вождь святой".

⁶² "Не слишком ли я жалок и ничтожен? -
Воскликнул тот. - И как же я бы мог..."
"Подобный подвиг для тебя возможен.
Любой из нас был жалок и убог".
"Так неужели же таков итог?
Война, любовь и жизнь сама запретна?"

"Победа - мира вечного залог.
Ты знаешь сам: жизнь в битвах беспросветна,
А женская любовь заманчива, но тщетна".

⁶³ "Зачем же, - рыцарь доблестный вскричал, -
Мне возвращаться в этот мир бесплодный,
Когда нашёл спасительный причал
Я здесь, где виден светоч путеводный
И жребий мне дарован превосходный?"
Ответил старец: "Нет, не такова
Твоя судьба, воитель благородный;
Ты деву защити в бою сперва,
И над врагом её добейся торжества!"

⁶⁴ И рыцарь произнес: "Вверяюсь Богу!
Проклятому врагу не сдобровать.
Скорее бы пуститься мне в дорогу
И, потрудившись, восторжествовать.
Паломнику нельзя не уповать,
Но ты сказал, что я английской крови,
Зачем же сыном духов называть
Меня?" "Ты всё узнаешь в кратком слове,
Когда тебе твоё происхождение внове.

⁶⁵ От королей саксонских ты рождён;
Их не страшил в сраженьях натиск вражий.
Они воздвигли в Англии свой трон
И, окружив себя надёжной стражей,
Не знали, что разорены пропажей:
Тебя плутовка-фея унесла,
Марая колыбель не только кражей,
Но и своим отродьем; нет числа
Подменышам, от них немало в мире зла.

⁶⁶ Так и попал ты в королевство к феям,
Где ты лежал в глубокой борозде
И найден был не лютым лиходеем,
А пахарем, который жил в нужде
И пестовал приёмыша в труде,
Георгием назвав, но дарованье
Врождённое сказалось бы везде;
Ты при дворе явил своё призванье
И доказал, что твой удел - завоеванье".

⁶⁷ Воскликнул тот: "Как мне благодарить
Тебя, святой отец? Теперь мне ведом
Мой род, и мне бы впору воспарить
Благодаря целительным беседам,
Которые ведут меня к победам".
На землю глянул рыцарь с крутизны,
Куда дерзнул взойти за старцем следом,
Но были всё ещё ослеплены

Глаза сиянием божественной страны.

⁶⁸ И возвратился он к прекрасной Уне,
Которая внизу его ждала
И уповала на него не втуне;
Обоими смиренная хвала
Святому старцу воздана была,
И вновь они в опасный путь пустились,
Куда зовут великие дела;
У Целии невольно загостились
И с ней, и с дочерьми её тремя простились.

ПЕСНЬ XI

С драконом рыцарь вёл два дня
Кровопротитный бой
И победил на третий день,
Отмеченный судьбой.

¹ В скитаниях не забывала дева
О том, что и отец её и мать,
Законные король и королева
В узилище обречены страдать
И об освобождении гадать;
Сказала дева: "Преданы вы благу,
Призвание ваше, рыцарь, - побеждать,
И потому вы ненавистны магу,
Но благодарна вам всегда я за отвагу.

² Достигли вы земли моей родной,
Где страшный враг свирепствует, не скрою;
И угрожает яростной войной;
Здесь предстоит рискнуть вам головою,
Поэтому готовьтесь, рыцарь, к бою!
Беспечностью вам тешиться не след.
Мужайтесь же, как следует герою,
И, одержав победу из побед,
Докажете, что вам под солнцем равных нет".

³ "В той башне, рыцарь, - Уна продолжала, -
Родители мои заточены;
Им вся страна всегда принадлежала.
Наказаны судьбою без вины,
Теперь они взирают со стены
И думают: им счастье улыбнулось.
Они дозорным предупреждены
О том, что дочь из дальних стран вернулась;
Неужто чуткая надежда обманулась?"

⁴ Свирепым рёвом отозвался склон,
Мир содрогнулся от вершин до впадин;

На солнечном холме лежал дракон,
Сам, словно холм, чудовищно громаден;
Не видывал никто подобных гадин.
Небесный герб для зверя нестерпим;
Он ринулся, к сиянью беспощаден,
И гневом сокрушительным томим,
Рванулся, яростью дыша, навстречу к ним.

⁵ И на холме оставил рыцарь деву,
Чтобы могла за битвою следить,
Не подвергаясь гибельному гневу;
Дракон свирепый мог ей повредить.
Намеревался рыцарь победить;
Дочь Феба, Муза, ты, паря над нами,
Изволь мой слабый дар вознаградить;
Пестунья, ты, склонясь под временами,
Героев лучших наделяешь именами.

⁶ Войди ты, Муза, нежно в грудь мою,
Войди ты нежно, а не самовластно,
Как возбуждаешь ты войска в бою,
Сердца героев двигая пристрастно,
Когда в трубу ты дуешь громогласно,
Так что разбужен грозный бог войны,
Который спал дотоле безучастно,
Но недостойны мирной тишины,
Народы ужасом тогда потрясены.

⁷ Так воздержись, чрезмерный пыл отринув
Ты, Муза; будет срок, и воспоём
Мы бой кровавый против сарацинов
И яростную битву с королём
Языческим, которому в своём
Величье Королева Духов смело
Отпор дала невидимым копьём;
Настрой струну негромко, но умело,
Воспой того, кто за святое бьётся дело.

⁸ Над миром распростёр дракон крыла,
Летел он и шагал одновременно,
А тень его проклятая ползла,
Распространяясь по земле мгновенно;
Казалось, разрастается растленно
И набухает чёрная гора,
Светила вытесняя постепенно;
Зияла пасть, зловонная нора;
Яд яростно вскипал и рвался из нутра.

⁹ Стремительно летел, преград не зная,
Дракон в своей чешуйчатой броне,
Которая сверкала, как стальная,
Надёжно защищая на войне,

И как орёл парит в голубизне,
Пока добыча не затрепетала
В его когтях, пронёсся в вышине
Дракон, и чешуя заскрежетала,
Невиданная кузнь из редкого металла.

¹⁰ А крылья были, словно паруса,
Которые земле сулят напасти,
Охватывая быстро небеса;
В полёте напрягались перья-снасти,
И безотказно действовали части
Машины, двигавшейся напролом
Во всеоружье беспощадной власти;
И каждым рассечённые крылом
Бежали облака перед летучим злом.

¹¹ Подобье сокрушительной дубины,
Хвост защищал чудовищу хребет;
Пестрели на хвосте его пластины:
Чередовался с чёрным красный цвет.
Хвост в битве причинял смертельный вред,
Окрестность перед гадиной дрожала;
Тянулся хвост почти на милю вслед,
И были на хвосте два страшных жала,
Которыми живым погибель угрожала.

¹² Но что такое злоба хищных жал
В сравнении с жестокими когтями,
Которыми добычу зверь терзал,
Хрустя при этом хрупкими костями;
Сравниться мог он разве что с чертями;
Немеет мой испуганный язык
Перед невиданными челюстями;
Заглядывать я в бездну не привык,
Где ненасытная вражда, где мрак и рык.

¹³ И зубы в каждой челюсти кровавой,
Железные, торчали в три ряда,
От крови же казалась челюсть ржавой,
И загнивала меж зубов еда:
Останки тел, которые туда
Попали, алчным схваченные гладом;
Там побывали целые стада,
Разжёванные ненасытным гадом,
И воздух был вокруг отравлен чадным смрадом.

¹⁴ Глаза как два щита издалека
Сверкали роковым предупреждением;
Они, как два громадных маяка,
Горели, занятые наблюденьем,
Не посягнёт ли недруг нападенье
На этот край, чтоб завладеть страной.

Дракон считал её своим владеньем
И, чтоб врасплох не встретиться с войной,
Глаза, как плоски, жёг днём и во тьме ночной.

¹⁵ Постыдный страх в противника вселяя,
Спешил к нему навстречу супостат,
И чешуёю пёстрой щеголяя
Среди травы, как будто гостю рад,
Он перегрызть готовился булат,
Пока не начал враг его сражаться;
Чешуйки на драконе вместо лат,
И сердце не могло в груди не сжаться
У рыцаря: дракон изволил приближаться.

¹⁶ Ударил рыцарь гадину копьём,
Но чешуя - надёжная препона,
Не пробиваемая остриём,
И супостат не потерпел урона,
Удар, однако, разъярил дракона,
Не ранил, только бешенство вселил;
Хвост повернул он, как бревно, с разгона,
И, преисполнён сатанинских сил,
Коня и всадника на землю повалил.

¹⁷ Но конь и человек вскочили снова,
И вновь ударил он копьём своим,
Однакоже для острия стального
Заклятый панцирь был неуязвим;
Почувствовал дракон, что перед ним
Опасный враг, что небо даровало
Герою мощь и, значит, несравним
Он с прочими, хоть рыцарей немало
Дракон поубивал, вступая в бой, бывало.

¹⁸ И снова распростёр дракон крыла:
Его неопишуемая туша
Над миром помрачённым поплыла,
Пространства ослепительные руша,
Как будто почва - остров, то есть суша,
А воздух - океан со всех сторон,
Где рыцарь незадачливый - втируша;
Крылами рассекая небосклон,
Коня и всадника нёс в воздухе дракон.

¹⁹ И, как стрела из тисового лука,
Летел над миром дольным супостат,
Однако даже ястребу докука -
Добыча, схваченная наугад,
И ненасытный хищник сам не рад,
Когда упорно бьётся куропатка;
Так для дракона был тяжеловат
Герой с конём - не пташка, не касатка,

И вскоре на земле опять кипела схватка.

²⁰ И вновь копьём ударила врага
Утроенная праведностью сила, -
Так в рыбу метит ночью острога, -
Сталь, скрежеща, по чешуе скользила
И всё-таки дракона поразила
Под левое крыло; металл проник
Уроду в мясо; сталь его пронзила,
И в этот ослепительнейший миг
Из глотки у него раздался дикий крик.

²¹ Он заревел, как завывает море,
Когда ночной бушует ураган,
Свирепствуя во мраке на просторе,
И в исступленье грозном океан
Бросается на побережье стран
Разбуженных, и в небо бьёт громада
Волн, - зыбкий, но безжалостный таран, -
Которому неведома преграда;
Взрыв сокрушительный стихийного разлада.

²² Ещё торчало в мясе остриё;
Когтями зверь переломил, однако,
Неотразимо меткое копьё,
Как будто древко было тоньше злака;
Потоком кровь лилась чернее мрака;
Она вращать бы мельницу могла,
Отпугивая даже вурдалака,
Ни дать, ни взять, кипящая смола;
Дышало пламенем притом исчадьё зла.

²³ И снова хвост рванулся, изогнулся,
Чудовищным извивом охватив
Коня; от петли тот не увернулся,
По-прежнему напорист и ретив,
Но за извивом следовал извив;
Конь бился, так что в грязь был всадник сброшен;
В грязи замаран весь, однако жив,
Вскочил он, мощью дьявольской подкошен,
Но крепок всё ещё, хоть смрад ему был тошен.

²⁴ И рыцарь выхватил из ножен меч;
Грозил он сокрушительным ударом,
Однако чешуи не мог рассечь;
Потратил только силы рыцарь даром.
Несокрушим был панцирь в блеске старом,
Хоть зверю боль пришлось превозмогать,
И потому себя подобным карам
Зверь предпочёл уже не подвергать,
Ударов новых впредь пытаясь избегать.

²⁵ Взбешён был рыцарь новой неудачей,
Ударил вновь, однако не брала
Сталь чешуи; разгневавшись тем паче,
Подумал он, что перед ним скала
Из адаманта; смертные тела
Податливей, но, видимо, терзала
Дракона боль; он распростёр крыла,
Но боль одно крыло ему связала;
Дракону прежняя сноровка отказала.

²⁶ Зверь зарычал, завыл, заверещал
И пламень жгучий изрыгнул из чрева;
Щит рыцаря уже не защищал:
Горело справа, полыхало слева.
Так не щадит огонь лесного древа;
Тянулись мириады языков
К нему из огнедышащего зева;
В доспехах раскалённых жар таков,
Что рыцарь сбросить их в отчаянье готов.

²⁷ Двенадцатью деяньями прославлен,
Герой Эллады, доблестный силач,
От мук таких был всё-таки избавлен,
Хотя помочь ему не мог бы врач,
Когда кентавр был для него палач,
Отравой вдохновляющий пиита,
Но хуже не бывает неудач:
Кузнь пламенем безжалостным обвита,
Доспехи рыцарские - казнь, а не защита.

²⁸ Так в раскалённых латах изнывал
Измученный; дыханье прерывалось...
Он смерть в душе на помощь призывал,
Но, как всегда она не отзывалась,
А дух перевести не удавалось;
Увидев, что противник изнемог,
Чудовище зловеще извивалось
И дьявольский затеяло бросок:
Сбил рыцаря дракон ударом тяжким с ног.

²⁹ И рыцарю пришлось бы в битве худо.
Но за его спиною был родник,
А тот родник образовало чудо,
Чтобы поток целительный возник;
Не знал отважный рыцарь в этот миг,
Что даже мощь дракона роковая
Не превратила родника в гнойник,
Кровь человеческую проливая;
Не перестала бить ключом вода живая.

³⁰ Жизнь возвращала мёртвому вода,
С живых грехи, чистейшая, смывала,

Избавив от смертельного вреда,
Болящему здоровье даровала,
И в старце юность вновь торжествовала,
Являя в роднике цветущий лик;
Подобно Силоаму, затмевала
Вода Кефис, Бат, Спа, но не постиг
Сначала рыцарь, что упал в святой родник.

³¹ Феб, между тем, дорогой утомлённый,
Успел уже покинуть небосклон
И в океан спуститься отдалённый;
Решив, что сгинул враг без похорон,
Мнил победителем себя дракон,
Хоть рыцаря поверг в живую воду;
На свой насест взобрался, как на трон,
И ненависти дьявольской в угоду
Он хлопал крыльями, грозя людскому роду.

³² Боялась дева, как бы не погиб
Её защитник, и она взывала
К Всевышнему, глотая скорбный всхлип,
В отчаянье на Бога уповала;
Она молиться не переставала,
Во мраке ночи не смыкала глаз;
Себе покоя дева не давала,
Молитв не прерывала ни на час,
Чтобы Господь её возлюбленного спас.

³³ И вновь на небо вызвало титана
Сияющее утро в свой черёд,
Но прежде чем возник из океана
Росистый лик, стремящийся в полёт,
Смотрела дева, что произойдёт:
Поднимется ли на ноги прекрасный,
Любимый рыцарь? доблестного ждёт
Сегодня бой тем более опасный,
Поскольку победил вчера дракон ужасный.

³⁴ И вот узрела, как из родника
Воспрянул он, орёл преображённый,
Которого встречают облака,
Когда полёт свободно-протяжённый
Напоминает, как он, погружённый
В стихийную целебную волну,
Дерзает вознестись, омоложённый,
Ей завещав былую седину;
Так рыцарь грозную являл врагу весну.

³⁵ Явление врасплох застигло зверя;
Неизреченным ужасом томим,
Прикидывал, глазам своим не веря,
Не новый ли противник перед ним,

Но рыцарь был в бою неудержим;
Отменно искушён в науке бранной,
Стремительным движением одним
Рассёк он гребень гадины поганой,
Украшив череп ей зияющею раной.

³⁶ Не знаю, закалился ли клинок
В целебной влаге для святого мщенья
Или земную слабость превозмог
Сам рыцарь, удостоившись крещенья,
Но преуспел, достойный восхищенья,
И поразил сверкающий булат
Того, кому не может быть прощенья;
Так ранен был неуязвимый гад.
Кто рыцарю помог, поэту невдогад.

³⁷ Дракона разъярила злая рана;
Он заревел, как сто голодных львов,
И вызвал он подобье урагана,
Который землю потрясти готов
До самых вековых первооснов;
Дракон рассек воздушные просторы,
И на стихийный посягнув покров,
Лишил бы всю вселенную опоры;
Валил он деревья, и сокрушал он горы.

³⁸ Раздался снова скрежет, лязг и звон;
От ужаса вокруг всё задрожало;
Поверг на землю рыцаря дракон,
И тело словно мёртвое лежало;
Сквозь щит проникло гибельное жало,
Впилась в плечо смертельная игла;
Страдание герою сердце сжало;
Казалось, жизнь сама изнемогла,
Не в силах побороть язвительного зла.

³⁹ Но доблесть встать ему велела властно
За неимением лучшего врача,
И на ноги вскочил он, хоть напрасно
Извлечь пытался жало из плеча,
Однако рыцарь не забыл меча,
И приступил он к яростной расправе;
Хвост он отсек дракону сгоряча,
Перерубив его в шестом суставе;
Был отвратительный обрубок тем кровавей.

⁴⁰ Не описать и не вообразить,
Как заревел, перхая дымом чёрным,
Дракон, готовый небо исказить
Своим дыханьем огненно-тлетворным;
Хотел он поквитаться с непокорным,
Чьё лезвие стальное зверя жгло,

И взмыл бы супостат над прахом сорным,
Однако подвело его крыло;
На рыцарском щите повис он тяжело.

⁴¹ Был человек подавлен мёртвой хваткой,
Боялся, что оружие вырвет враг
Когтистой лапой цепкою и гадкой;
Зверь походил на бешеных собак.
Кровавую держал бы Цербер так
Кость, алчных челюстей не разжимая;
От гада отдалиться ни на шаг
Не в силах рыцарь; мощь сдаёт любая
У зверодьявола добычу отнимая.

⁴² Не обошёлся рыцарь без меча;
Сталь верная чистейшего закала,
По чешуе скрежещущей стуча,
В дыму и тьме, как молния сверкала;
За искрой искра в воздухе мелькала,
Как будто в наковальню молот бил;
Хоть сталь сквозь чешую не проникала,
Дракон беду свою усугубил,
Разжав одну из лап за наименьшем сил.

⁴³ Другая лапа всё ещё держалась,
Как будто бы вцепилась в щит навек
И, окровавленная, не разжалась,
Когда собрал все силы человек
И лапу, наконец, мечом отсек,
Но всё же лапа на щите висела,
Как будто щит - спасительнейший брег,
Пристанище для дьявольского тела,
В котором злоба ненасытная засела.

⁴⁴ Вновь изрыгнул дракон огонь и дым,
Кровавая его бесила рана;
Был небосвод подёрнут огненным
Подобием сернистого тумана;
Казалось, извержение вулкана
Свирепствует в долинах и в горах,
Дыханьем раскалённым урагана
Утёсы превращая в drobный прах,
Распространяя мрак и страх в иных мирах.

⁴⁵ От этого смертельного огня,
Который прямо к рыцарю тянулся,
Героя не могла спасти броня;
Отважнейший невольно отшатнулся,
Но от него Господь не отвернулся,
Помог ему, предотвратив беду,
И, отступая, рыцарь поскользнулся
(Земная грязь подобна в этом льду);

Так заживо упал он к своему стыду.

⁴⁶ Произрастало и плодоносило
Там древо жизни вечной, чьи плоды
Святым багрянцем небо оросило;
Питательней не может быть еды
Для человека, хоть среди вражды
Он, слабый, согрешил и пал, виновный;
Благословил сим деревом сады
Святые Бог, властитель наш верховный,
Хоть не достоин сих даров наш род греховный.

⁴⁷ Оно произросло из почвы той,
Благоприятной каждому растенью,
Которая с природою святой
Был едина, чуждая смятенью;
Тот край обрёл насельник запустенью;
Другое в мире дерево росло;
Оно влекло людей не только тенью;
Нам плод его открыл добро и зло,
Что человечеству погибель принесло.

⁴⁸ Осталось древо жизни благодатным,
И от него целительный бальзам
Проистекал потоком ароматным,
Блаженным предназначенный сердцам,
Как будто дождь отрадный лился там,
Наперекор земному опасенью
Жизнь возвращая даже мертвецам,
Судьбою предназначенным к спасенью,
И рухнул рыцарь под его целебной сенью.

⁴⁹ Зверь подступиться к дереву не мог,
Поскольку по природе был смертелен,
А дерево - живительный исток:
Дух жизни с ним от века неразделен,
А зверь на разрушение нацелен,
Но дерево куснуть ему не в мочь;
Туман меж тем поднялся из расселин,
И снова солнце удалилось прочь
И факел свой зажгла в пустынном небе ночь.

⁵⁰ За рыцаря молилась молча дева;
Увидела, как повалился он,
Измученный, под сень святого древа,
Где обмер или погрузился в сон;
С целительнейшей из древесных крон
Бальзам стекал, пока её зеницы
Оплакивали тягостный урон
И ждали восхитительной денницы,
Привыкнув уповать на мощь его десницы.

⁵¹ И вышла вновь Аврора в небеса,
Покинув ложе древнего Тифона;
Её золотокудрая краса
Не нарушала вечного закона;
Глаз не сводила Уна с небосклона,
Откуда скрылся хор небесных тел;
В цветах среди сияющего лона
Заря вступила в светлый свой предел;
В лазури весело ей жаворонок пел.

⁵² Встал рыцарь, преисполнен силы новой,
От ран и от ушибов исцелён;
И вздрогнул зверь, пожрать его готовый,
Явлением внезапным изумлён;
Он полагал, что рыцарь истомлён
И может быть без промаха проглочен,
А он, оказывается, силён,
И супостат был этим озабочен,
По-прежнему в броске своем жесток и точен;

⁵³ Способный утратить любую рать
Отверстой бездной дьявольского зева,
Дракон готов был рыцаря пожрать,
А рыцарь, освежённый соком древа,
Был преисполнен праведного гнева
И, как орёл, ответил на бросок,
Вонзая в кровеносный сумрак чрева
Драконова блестящий свой клинок,
Кровавый захлестал из темноты поток.

⁵⁴ Так пал дракон, и дрогнула земная
Твердь, по которой кровь его текла;
Так пал дракон, и туша кровавая
Была земле и небу тяжела;
Так пал дракон, как рушится скала,
Которую подтачивал упорный
Безжалостный прибой, пока дотла
Не разорил скалы Нептун злотворный;
Так пал дракон, как будто кряж низвергся горный.

⁵⁵ И содрогнулся победитель сам,
Увидев неподвижную громаду,
Ещё не веря собственным глазам,
Приблизиться к поверженному гаду,
Едва решилась дева, чтобы взгляду
Открылся весь чудовищный массив:
Зверь, павший вопреки огню и смраду;
Героя нежно поблагодарив,
Уверилась она: Всевышний справедлив.

ПЕСНЬ XII

¹⁷ И произнёс тогда король-отец:
"Вы, милый сын мой, восторжествовали
И гавани достигли, наконец;
Вы в странствиях скорбели, воевали;
На этом свете кто-нибудь едва ли
Такие злоключенья испытал,
Однако вы на Бога уповали,
Бог ваше торжество предначертал,
И вот вы обрели спасительный причал".

¹⁸ "Ах, государь, - ответил рыцарь славный, -
Я предан вашей дочери во всём
И отстоял ваш трон самодержавный,
Но должен я идти своим путём.
Прощайте! В долгом странствии своём
Я королеве духов обязался
Служить шесть лет, воюя с королём
Языческим, где б я не оказался,
Чтобы сомненьями в пути я не терзался".

¹⁹ Задумчиво король ответил: "Жаль!
Меня вы, рыцарь, очень огорчили;
В мою вселили душу вы печаль
И наше ликование омрачили;
Но вы науку чести изучили;
Вам подобает выполнить обет,
Чтобы счастливый брак вы заключили
С принцессою, когда пройдут шесть лет;
Препятствий к этому, я полагаю, нет.

²⁰ Вовек я не забуду, рыцарь: вами
Чудовищный дракон убит в бою;
Народ мой вам обязан торжествами,
Я вам предназначаю дочь мою;
Вам с нею в нашем царствовать краю
В согласии с божественным законом;
Я вашу добродетель признаю,
И вопреки негаданным препонам
Вам завещаю дочь я с королевским троном".

²¹ Король позвал единственную дочь,
Оставшуюся в бедствиях прекрасной,
Как будто в мире миновала ночь
И свежесть, вея вестью сладкогласной,
Овладевает в небе далью ясной,
Откуда скрылась тягостная мгла,
Грозившая невзгодою опасной,
И сладостно, и царственно цела,
Свежа, светла, чиста, звезда зари взошла.

²² Свежа, светла, прекрасна, как весенний
Цветок без вдовьих мрачных покрывал,
Свободна от смертельных опасений,
Поскольку правый восторжествовал;
Достойная возвышенных похвал,
Она была изысканно одета;
Блеск, впрочем, чистоты не затмевал,
И лилия, невинности примета,
Была белейшего пленительного цвета.

²³ Сиял, как солнце, лучезарный лик;
Он был для восхищенья предназначен;
Мой стих для красоты подобной дик
И неуклюж, и жалок, и невзрачен,
Так что мой опыт был бы неудачен,
Когда бы я воспеть её дерзнул;
Восторгом чистым рыцарь был охвачен,
Как только на красавицу взглянул,
Хоть странствовал он с ней и ей престол вернул.

²⁴ Он ей престол вернул, но преклонилась
Она перед властителем-отцом,
Которому безмолвно подчинилась,
Готовая смириться под венцом;
Поистине король был мудрецом
И мог её наставить словом точным,
Но прерван был стремительным гонцом,
Ворвавшимся к нему с посланьем срочным,
Да и бывает ли благополучье прочным?

²⁵ С тревогою смотрели на гонца
Все, кто стоял перед высоким троном;
На вновь прибывшем не было лица:
Вручил письмо, грозящее уроном
Он королю, почтив его поклоном
И прах поцеловав, рабу подстать;
Изменчивым, колеблющимся тоном
Ещё не смея на судьбу роптать,
Изволил вслух король посланье прочитать:

²⁶ "Премудрый властелин земного рая!
Привету многоскорбному внемли,
Когда к тебе взывает, изнывая,
Дочь государя западной земли,
Томящаяся в горестях вдали;
Коварному защитнику и другу
Скорее удалиться повели;
Ссылается на мнимую заслугу
Он, выбравший страну другую и супругу.

²⁷ Меня, свою супругу, нет, вдову,
Завлѣк и обманул, неблагодарный,

И, брачному неверен торжеству,
Кошунственно презрел обряд алтарный;
Покинул он чертог мой лучезарный
И предпочёл чужие рубежи,
Где обольщает он других, коварный,
Бесчинствуя во всеоружьи лжи;
Король, постыдную измену накажи!

²⁸ Он прелестей угодливый любитель,
Он мой, пусть он лукавством одержим,
Не допускай врага в свою обитель,
Молю, не заключай союза с ним;
Не забывай, что лжец не исправим,
И покарать бы нужно лиходея!
Кто прав, запомни, тот непобедим,
И за меня сразятся, не робея.
Прощай, король! Не друг, но и не враг тебе я.
Фидесса".

²⁹ Он прочитал и в изумленье смолк,
Смятением подавленный при этом;
Таких известий взять не мог он в толк;
Не обратился, впрочем, за советом
К придворным, приближённым и клеветам;
Растерянность король преодолел:
"Каким таким неверен ты обетам? -
Он рыцаря спросил. - Ты прям и смел,
Я видел: за меня ты жизни не жалел.

³⁰ Что значат, рыцарь, эти измышленья?
Я понимаю: женский ум ревнив,
И может приписать он преступленья,
Невинному страданья причинив;
Я полагаю, ты благочестив,
И объяснишься ты со мною прямо,
Но если ты виновен, то есть лжив,
И связана с тобой другая дама,
Откройся лучше мне во избежанье срама".

³¹ И рыцарь молвил королю в ответ:
"Мой государь, она меня дразнила
Скоплением обманов и клевет,
И, признаюсь, она меня пленила,
К постыднейшей неверности склонила.
Принарядившись для отвода глаз,
Она мне столько бедствий причинила,
Что перечислить всех её проказ
Я не берусь: дня три продлился бы рассказ.

³² Всех гадостей земных притворство гаже;
Лукавая Фидессой назвалась,
Фидессой назвалась, осталась та же

Она Дуэсса; хитрость удалась,
И простота от козней не спаслась;
Так в западню попался безоружный;
Её жестокость жертвы дождалась;
Прельстил беднягу жест и блеск наружный,
И я перед врагом бессилён был недужный".

³³ Дочь короля направилась вперёд,
И поклонилась королю юница,
Произнося смиренно в свой черёд:
"Простите, государь, но есть граница
Обману: эта злая чаровница
Преследовала рыцаря везде;
Его ждала смертельная темница,
Где изнывал он в скорби и в беде,
Подвержен яростной, безжалостной вражде.

³⁴ Она преследует его упорно
Коварным, изворотливым умом;
Теперь она пытается злоторно
Разрознить нас обманчивым письмом;
Кривое в посягательстве прямом,
А кривда супротив любого блага;
Немудрено узнать в гонце самом
Лукавого злодея архимага,
Которому претит и правда, и отвага".

³⁵ Король схватить злодея приказал;
От стражи не ушёл гонец, который
На полную правдивость притязал;
Грозил ему суд праведный и скорый.
Гонец вокруг бросал косые взоры,
Привыкнув непокорным угрожать,
Как будто бы прочнейшие затворы
Его в плену не могут удержать;
Преступник явно был намерен убежать.

³⁶ Был заточён в тюрьму лазутчик вражий.
И кто в этот день подумать мог,
Что узник не задержится под стражей,
Что ускользнёт он вскоре под шумок,
Преодолев засов или замок;
Стерпев очередное испытанье,
Король среди волнений и тревог
Решил, что таково предначертанье
Судьбы: да совершится бракосочетанье.

³⁷ Обеими руками сочетал
Он руки новобрачных, и отрада
Явилась там, где Божий дух витал;
Обеими руками козни ада
Он отвратил: его персты - ограда,

И, нежная сестра святой воды,
Зажглась неугасимая лампада
В часовне, охраняя от беды,
Не допуская зла и пагубной вражды.

³⁸ Потом вино разбрызгали повсюду
Среди чертогов и среди палат,
Был сок под стать роскошному сосуду,
Изысканный струился аромат;
Божественный распространился лад,
Угрюмой меланхолии перечая
Мелодией - услада из услад -
Блаженства совершенного предтеча:
Любви и музыки целительная встреча.

³⁹ Звучало во дворце со всех сторон,
Как будто три троичных бестелесных
Верховных сонма, окружая трон
Господень, хором голосов небесных,
Отчётливых в созвучиях чудесных,
Поют, и на земле никто не глух
К блаженству, хоть не выразить в словесных
Определеньях, чем пленился слух
И восхищается в немом восторге дух.

⁴⁰ В чертогах ликование царило,
И не было ни страха, ни тоски;
О мирном счастье сердце говорило
Воспоминаньям скорбным вопреки,
Которые отныне далеки,
И радовался рыцарь безмятежно;
Сподобился возлюбленной руки
Любимый упоительно и нежно;
От счастья таял он, а счастье безбрежно.

⁴¹ Он в море счастья плавал, где была
Отважному дарована награда;
Даль перед ним безоблачно светла:
Ни ревность не мрачила, ни досада
Его пути; однако помнить надо
Обет; пусть пролил в битве рыцарь кровь,
Чудовищного уничтожив гада,
Он Королеве Духов должен вновь
Служить, хотя вдали печалится любовь.

⁴² Опустим паруса сегодня с миром;
Вот берег; здесь корабль причалит наш;
Высаживаться время пассажирам;
Покой - необходимость, а не блажь;
А мы пока починим такелаж
И снова отплывём, взыскав цели,
Которой предан верный экипаж;

Когда бы вдалеке, минуя мели,
Предела нового достигнуть мы сумели!

Книга вторая

ЛЕГЕНДА О СЭРЕ ГЮЙОНЕ ИЛИ ОБ УМЕРЕННОСТИ

ПЕСНЬ VII

Гюйон в пещере побывал,
Однако был не рад,
Когда явил ему Маммон
Свой заповедный плод.

¹ Как искушённый кормчий, что звезде
Одной вверяясь в плаванье опасном,
Привержен ей, незыблемой, везде
И в сумраке таинственно-ненастном,
В тумане безысходно-безучастном
На компас и на карту посмотрев,
Ведёт корабль в раздумье беспристрастном,
Минуя бездны вездесущий зев,
Откуда слышится безжалостный напев;

² Так и Гюйон, проводника лишённый,
Лень-озеро победно миновав,
Путь продолжал, ничуть не утращённый:
Он был силён, поскольку знал, что прав,
И добродетельный устойчив нрав,
Смиряющий неистовство влечений;
Однако не звучал среди дубрав
Рог славы, преисполненный значений;
Не находил Гюйон в пустыне приключений.

³ В глухом лесу, где вряд ли дровосек
Бывал, бродя по просекам тернистым,
Сидел звероподобный человек,
От взоров скрыт кустарником тенистым;
Казалось, горном прокопчён огнистым
Пустынник страшный, чёрный, как арап,
И лапам уподобились когтистым
Его ручищи; в жирной саже лап
Таилась хищная угроза: цап-царап!

⁴ Сидел в железном ржавом одеянье,
Изнанку золотую запылив,
И потускнело прежнее сиянье,
Являвшее резных немало див,
Корыстному богатство посулив,
Скопив его блестящие приметы;
В усердии своём златолюбив,

Он жадно пересчитывал монеты:
Бесчисленные, но желанные планеты.

⁵ Лежали груды золота вокруг,
Окрашены где солнцем, где шафраном;
В глаза бросался самородок вдруг,
Не тронут обжигающим Вулканом;
Там были без чекана и с чеканом
Сокровища, которые милей
Тирану, если мечены тираном,
Как будто даже золото целей,
Когда на золоте обличья королей.

⁶ Был казначей при этом осторожен,
И содрогнулся чуткий нелюдим;
Он был, врасплох застигнутый, встревожен,
Когда явился рыцарь перед ним,
И клад, который в дебрях был храним,
Страж принялся совать в дыру земную,
Но, любопытством движимый одним,
А может быть, преследуя иную
Цель, рыцарь удержал мгновенно длань дурную.

⁷ Спросил он: "Человек ты или нет,
Хранитель соблазнительного клада?
Зачем скрываешь множество монет
Ты в отдаленье от села и града?"
В ответе же послышалась досада:
"Дай, дерзкий дух, я на тебя взгляну!
Страх для тебя, как видно, не преграда!
Не знаю, как твою судить вину.
И ты мешаешь мне считать мою казну?"

⁸ Я бог, и мне весь этот мир подвластен;
Под небом величайший бог Маммон;
К стремлениям людским я безучастен,
Хотя царит над ними мой закон;
Всё от меня: богатство, слава, трон;
Считаю пот и кровь я тщетным соком.
Податель я наделов и корон;
Богатства от меня текут потоком
И в подземелье умножаются глубоко.

⁹ Мне покорись, и всё, что видит глаз,
Все эти, рыцарь, золотые горы,
Приумножаясь в пять и в десять раз,
Твоими будут, а другой опоры
Не надобно; к чему пустые споры?"
Ответил рыцарь без обиняков:
"Маммон, твои напрасны уговоры!
Ты повелитель денежных мешков.
В меня попристальной взглядишь: я не таков."

¹⁰ Не подобает в доблестном служенье
Мне принимать, Маммон, твои дары;
Усматриваю в них я унижение,
Так что оставь их лучше до поры
Любителям подобной мишуры;
Твоим богатством брезгают ладони,
Что мне твои блестящие миры!
Дороже мне мечи, доспехи, кони;
Вот преимущества, достойные погони!"

¹¹ Маммон ответил: "Глупый сорванец!
Пустяшные тебя влекут утехы,
А я надену на тебя венец
И в грязь низвергну с трона без помехи;
Не купишь ли прочнейшие доспехи
И наидрагоценнейший булат,
Которому неведомы огрехи,
Не победишь ли ты без всяких лат,
Когда ты от меня принять решишься клад?"

¹² "По-моему, всё обстоит иначе, -
Сказал Гюйон, - корысть - начало зла;
Корысть грешна, богатство же тем паче:
Дурные всюду от него дела.
Для рыцаря богатство - кабала,
Причина произвола и обмана;
Кровь от него течёт, как и текла,
Образовав подобье океана;
Для благородного сия стезя погана.

¹³ Располагаешь тронами не ты;
Смущаешь ты монархов и державы,
Изменников плодя среди суеты;
Ступени к трону издавна кровавы,
И без убийства не бывает славы,
Порфиру окровавила вражда,
И на злодеев не найти управы;
Горят селенья, гибнут города;
Так делаешь владык ты, не боясь вреда.

¹⁴ Ты сеешь беды, накликаешь горе,
Твоим зловредным козням счёту нет;
Каспийское переплывая море,
В лесу, где зверю лютой зверь сосед,
Едва ли встретишь столько страшных бед".
Маммон вскричал: "Неужто человеки
Все склонны повторять подобный бред?
Готовые искать моей опеки,
Её клянете вы, несчастные калеки?"

¹⁵ Сказал Гюйон: "Кто неумерен, тот,

Действительно, порой бывает жаден
И не убережётся от невзгод;
Природы дар сам по себе отраден,
Однакоже избыток беспощаден;
Скорбями отравляет он поток,
Который чист, прозрачен и прохладен;
Где освежил бы нас один глоток,
Там грязь, там водорослей тинистый моток.

¹⁶ Был род людской сначала безупречен,
Покорен благодатному Творцу
И процветал, доволен и беспечен,
По ангельскому скроен образцу,
Но не переча всаднику-слепцу,
Конь, перекормленный зерном отборным,
Торопится к бесславному концу;
Так похоть, по стезям гарцуя торным,
Невольню предалась излишества позорным.

¹⁷ Чтобы собрать безжалостную дань,
Лихвы взыскуя под предлогом сева,
Проклятая не пощадила длань
Святого прародительского чрева;
Сталь землю истязала не без гнева;
Алкала золота и серебра
Корысть, не пощадив цветка и древа,
Закралась в жилы, дьявольски хитра,
И вспыхнула в крови неистовой костра".

¹⁸ Маммон в ответ: "Не потрясай основы!
Тот грубый век оставь его сынам,
Не ведавшим, как хороши обновы;
Обогащаться подобает нам,
Как свойственно позднейшим временам;
Ты заживёшь, как следует вельможе,
Когда тебе я всё, что хочешь, дам,
А если нищета тебе дороже,
Отвергнутое клясть и поносить негоже".

¹⁹ Воскликнул рыцарь дивный: "Не таи!
Поведай откровенно мне, откуда
Богатства непомерные твои,
Ты, баловень таинственного чуда?
А может быть, в крови вся эта груда?"
Маммон ответил: "Вздор, какой грабёж!
Я достаю богатства из-под спуда.
Их не уменьшит никакой делёж,
Хоть не увидишь их с небес и не найдёшь".

²⁰ И рыцарь удивился: "Как под спудом
Сокровища хранил ты до сих пор
И не ограблен был корыстным людом?"

Скажи, как миновал тебя разор?"
И бросив на него мгновенный взор,
Сказал Маммон: "В мою заглянем келью..."
И рыцаря в подземный коридор
Повлѣк, являя доступ к подземелью,
Где страх предшествовал зловещему веселью.

²¹ Но вскоре коридор образовал
Подобие обширнейшего зала;
Вѣл путь к Плутону через этот зал,
Не потерявший видимость подвала;
Сидела Кара там и угрожала,
Там был Раздор на сторожа похож;
Железный кнут она в руках держала,
А он сжимал окровавленный нож;
Зубами скрежеща, бросали оба в дрожь.

²² Там жгучий Гнев и хищная Измена,
Там Ненависть, которая страшна,
Коварна, беспощадна и надменна;
И Ревность восседала там одна,
Кусала губы, зная, что смешна;
Там Страх летал, не ведая покоя,
Как будто бы вокруг идёт война;
Там Скорбь во тьме лежала, хрипло воя;
Стыд прятал мерзкое своё лицо изгоя.

²³ Превыше всех печальный Ужас был,
Чьи мрачные черты всегда суровы;
Под хлопанье его железных крыл
Вокруг летали вороны и совы,
Кричать о новых бедствиях готовы,
Там гарпия облюбовала тень,
Пронзительные издавая зовы;
От этих воплей трескался кремь,
А ей летать во тьме и сетовать не лень.

²⁴ Возникли впереди врата Плутона;
В пути Маммон о них не говорил.
Хоть не смущала рыцаря препона,
И был он преисполнен дивных сил,
Его подземный мрак не умудрил
И под землёй не дрогнула отвага;
Ад за вратами мрачными царил,
Дверь малая сулила горы блага;
Соблазн от гибели на расстоянье шага.

²⁵ От взлома, от хищенья, от потерь
Сама себя грызущая Забота
Оберегала маленькую дверь,
И не было надёжнее оплота,
И ей была неведома дремота;

Сон для Заботы - злейший супостат;
Со смертью схож, он разновидность мота.
Обитель Сна вблизи смертельных врат;
Там Сон, Богатство здесь, а между ними ад.

²⁶ И дверь перед Маммоном распахнулась,
Новоприбывшему открылся путь;
Вошёл Гюйон, и дверь за ним замкнулась;
Тьма не могла Гюйона ужаснуть,
Герой во мрак осмелился шагнуть,
И сразу заприметил образину,
Способную во всяком вызвать жуть;
Отвратный бес ему вперился в спину,
Как будто говоря: тебя я не покину.

²⁷ Бес ждал, когда пришелец посягнёт
На груды соблазнительного злата
Или когда глаза во сне сомкнёт;
Тогда грозит несчастному расплата,
И нет ему на Божий свет возврата;
Спокон веков закон стигийский крут;
Когда душа людская виновата,
Увливать - увы! - напрасный труд;
Добычу дьявольские когти разорвут.

²⁸ Массивные образовали плиты
Наполненный сокровищами грот,
И золотые слитки-сталактиты
Свисали, драгоценные, с высот;
От золота мог рухнуть ветхий свод;
Подземному приверженная зданью,
Искусница среди сумрачных красот,
Арахна тьму подёргивала тканью,
И копоть сумраку была привычной данью.

²⁹ Пол, кровля, стены были золотыми,
Но их покрыл давнишний, тусклый прах
Слоями непроглядными густыми;
Цвет золота блистательный зачах,
Нуждаясь в ярких солнечных лучах;
Неверный свет подавлен тьмой ночью,
Которая царит в иных мирах,
Где жизнь ущербной светится луною:
Не различишь её за мглистой пеленою.

³⁰ Железные стояли сундуки
У непоколебимых стен вертепа,
А взламывать их было не с руки:
Подогнана надёжно к скрепе скрепа;
Охрана неусыпная свирепа
И преданно служить привыкла злу;
Не отличался мрачный грот от склепа:

Виднелись черепа в любом углу,
Скелеты смрадные валялись на полу.

³¹ А рыцарь молча шёл, и потайная
Дверь в гроте отворилась перед ним,
И он вошёл, пока ещё не зная,
Какой там клад невиданный храним;
С казною королевской несравним
Был этот клад; судьба не поскупилась,
И, демонам доступное одним,
Богатство под землёй совокупилось
С богатством, и во тьме, несметное, скопилось.

³² И был там неусыпный вечный страж,
Неумолимый дух ночного бденья,
Оберегавший от корыстных краж
Свои неисчислимыя владенья,
Не знающий другого побужденья,
Сказал Маммон: "Мой дар попробуй взвесь!
Ты завладеешь миром наслажденья,
Его получишь безвозмездно весь;
Все радости земли перед тобою здесь!"

³³ Ответил рыцарь: "Слушай, как ни странно,
Я твоего богатства не хочу.
Мне золото нисколько не желанно!
Оно подчас подобно палачу.
Я слишком предан моему мечу,
Которым вражий замысел разрушен.
Зачем уподобляться богачу,
Когда к богатству сам я равнодушен?
Пусть лучше будет мне богач всегда послушен".

³⁴ Бес обнажил корявые клыки,
Напрягся в ожиданье безобразном;
От рыцаря остались бы клочки,
Будь рыцарь совращён таким соблазном,
Забился бы в капкане безотказном
Он, как в когтях железных голубок;
Спаси Господь глупца в томленьи праздном!
Пусть рыцарь искушеньи превозмог,
Маммон рассчитывал и в нём найти порок.

³⁵ И рыцаря в другое помещенье
Повёл Маммон, и пришлого туда
Впустили, несмотря на запрещенье;
Пусть на сковороде сковорода
В аду; пылали, требуя труда,
Там сто печей, которыми лукавый
Заведует; бесовская орда
Обслуживала их не для забавы:
Там драгоценные изготовляли сплавы.

³⁶ Усердствовал один, как и другой;
Огонь в печах мехами раздували,
Жар загребали ржавой кочергой,
Остыть печам железным не давали,
Водой студёной печи поливали;
(Вулкан для бесов - друг и доброхот).
Отходы убирать не забывали,
И черпаки пускали дружно в ход;
Трудились дьяволы и проливали пот.

³⁷ Как только двери настежь растворились,
Явились вдруг доспехи, щит и меч,
И сразу бесы в невидаль вперились,
Подобных до сих пор не зная встреч,
Но каждая горела всё же печь
Средь вспышек ослепительных и треска;
От бесов рыцарь был не прочь утечь,
Но стыд мешал ему, перечая резко,
А князь бесовский говорил при этом веско:

³⁸ "Сын духов, смертным взором посмотри!
Не видели людишки остальные
Моей сокровищницы изнутри.
Сюда не вхожи зрители дурные.
Ты спрашивал, откуда все земные
Богатства; здесь единственный исток
Их всех; поддельны ценности иные;
Бери же всё, кому добро не впрок?
Не будь же, рыцарь, к самому себе жесток!"

³⁹ "Бог денег, - молвил рыцарь, - пусть богатства
Земные все тебе принадлежат,
Искать сокровищ лишних - святотатство;
Поверь, Маммон: я без тебя богат,
И следовать своей дорогой рад;
Пуускай другие алчут беззаконно
И ненадёжным благом дорожат".
Зло всё же в духе злом неугомонно,
И рыцаря повёл он дальше непреклонно.

⁴⁰ Он рыцаря повёл через проход,
От бесов лютых якобы спасая;
У золотых сверкающих ворот
Стоял палач, в плечах сажень косяя;
Стоял он, вызов Господу бросая;
Святыня стража дьявольского злит.
Он, палицей железной потряся,
Как будто сам из золота отлит,
Неосторожному пришельцу смерть сулит.

⁴¹ А прозывался мрачный страж "Презренье",

Он был высок и грозно горделив;
В его глазах угрюмое горенье
Осталось, жизнь и смерть испепелив;
Высокомерен и несправедлив,
Он был сродни не людям, а титанам;
В кровопролитии нетерпелив,
Он смертных обрекал смертельным ранам
И среди бесов был воинственным тираном.

⁴² Увидел, как оружие блестит,
И палицей железной замахнулся;
Хоть супостат ужасен был на вид,
Герой и перед ним не содрогнулся,
А поднял меч и смело в бой рванулся;
Маммон, однако, дал ему понять,
Что на неуязвимого наткнулся
Отважнейший. Зачем себя ронять?
Сталь не берёт врага, и не на что пенять.

⁴³ Маммон посторониться супостату
Отчётливо и властно приказал,
Они вошли в роскошную палату,
Подобен храму был просторный зал,
Куда входить незванный не дерзал;
Там золотые высились колонны;
Тем, кто на власть и славу притязал,
Они являли царские короны,
Как будто судьбы к венценосцам благосклонны.

⁴⁴ Теснился разный люд со всех сторон
Из всех племён в шумливом пёстром стаде;
Всех привлекал величественный трон,
К нему рвались, томились по награде
Пришельцы, и сияла в каждом взгляде
Владычица, достойная похвал,
На троне в ослепительном наряде,
Который, несомненно, затмевал
Всех тех, кто царствовал и кто торжествовал.

⁴⁵ Изысканным пленяло обаяньем
Её лицо, чьи нежные черты
Очаровали зрителей сияньем,
Но то был блеск поддельной красоты;
Служанка соблазнительной мечты,
Искусство лик её разрисовало,
Преступную утрату чистоты
Своими ухищреньями скрывало
И незадачливых влюблённых зазывало.

⁴⁶ Пленительная, восседая там,
Держала цепь всемирного разлада,
Один конец привязан к небесам,

Другой касался сумрачного ада;
Вот что желанно для людского стада!
Когда бы только в руки цепь далась!
Её звено - для смертного награда.
Красавица Гордынею звалась.
Взирала на неё толпа и ввысь рвалась.

⁴⁷ Тот пользовался суетным богатством
И прибылью, чтобы повыше влезть,
Тот ближнего, пренебрегая братством,
Отталкивал, тот уповал на лесть,
Тот выдавал ничтожество за честь;
Но каждый своенравно вверх взбирался;
Тому, кто выше влез, грозила месть;
Один другого сталкивать старался,
За новую ступень свирепо каждый дрался.

⁴⁸ Сие столпотворение узрев,
Спросил Гюйон, какой же смысл в погоне
За высотой, откуда этот гнев
И ярость при нежданной препоне.
Сказал Маммон: "Красавица на троне -
Моя обворожительная дочь;
Почёт и слава у неё на лоне,
Достигнуть их любой из вас не прочь,
Но в этом без неё вам преуспеть не в мочь.

⁴⁹ Филотиме` прекрасная зовётся,
Она под этим небом лучше всех;
Мнит недруг, что сияние прервётся
И омрачит её зловерный грех;
Пускай богам претит её успех,
Завистливые нам смешны потуги;
Захочешь - и сподобишься утех!
Я дочь мою отдам тебе в супруги,
И все приобретёшь ты на земле заслуги".

⁵⁰ Вновь рыцарь возразил: "Мерси, Маммон;
Я восхищён твоею дружбой лестной,
Но не по мне такой высокий трон,
Супруги недостоин я небесной;
Природой ограничен я телесной
И вынужден блюсти земной закон;
Боюсь я только участи бесчестной.
Я с женщиной другою обручён;
Измена чёрная - для рыцаря урон".

⁵¹ Маммон едва сдержался, разъярённый,
Героя искушая невпопад;
Дорогою, во мраке проторённой,
Он рыцаря повёл в роскошный сад,
Который был растеньями богат,

Но не сулил при этом сладких брашен;
Дарам подобным человек не рад;
Там в чёрное был каждый лист окрашен,
И каждый был цветок для смертного там страшен.

⁵² Напоминая замогильный мрак,
Рос кипарис, печальный, как руина,
Там горький колоцинт, снотворный мак,
Эбен и чемерица и сабина,
Цикута, смертоносная причина
Афинского позора; пил Сократ
Цикуту; отвратительна кончина,
Но не страшна тому, кто верить рад
Был мудрость Критию, свой драгоценный клад.

⁵³ Тот сад любим царицей Прозерпиной,
И было в том саду осенено
Серебряное креслице вершиной
Раскидистого дерева; оно,
В потустороннем укоренено,
Царицу ада нежно прохлаждало,
Невиданной листвой облечено;
Так дерево царице угождало
И прихотливую плодами услаждало.

⁵⁴ Никто не видел яблок золотых;
Лишь тот, кому, бестрепетный в служенье,
Однажды Геркулес доставил их,
Убив Ладона в яростном сраженьи,
А также тот, кому расположение
Судьбы узреть позволило на миг
Плод золотой в стремительном движенье:
Метнул его эвбейский чаровник
И Аталанту быстроногую настиг.

⁵⁵ Так вот где плод налился превосходный,
Что страстному Аконтию помог
Любовью увенчать свой пыл бесплодный;
Отсюда соблазнительный бросок
Лукавой Аты; здесь могучий рок
Взлелеял плод, прельстив своей игрою
Богинь, дабы пристрастный пастушок
Любовь избрал, так что пришлось герою
Годами штурмовать воинственную Трою.

⁵⁶ Гость между тем бросал за взглядом взгляд
И рассмотреть пытался зорким оком,
Как золотые яблоки висят
На ветках, чтобы ветки ненароком
Склонялись под чернеющим потоком,
Который ослепительно кипит
В неистовстве безудержно жестоком;

Загробная река звалась Коцит;
В ней грешная душа отчаянно вопит.

⁵⁷ И над потоком рыцарь наклонился,
И он увидел, как злосчастный люд
Средь скорбных волн в отчаянье теснился;
Выныривать им бесы не дают.
И каждый страж безжалостен и лют,
Был рыцарь привлечён одною тенью,
Себе нашедшей гибельный приют:
Под яблоней обречена мученью,
Томилась, предана казнящему теченью.

⁵⁸ Хоть грешник был до самых губ в воде,
Ни капли в рот ему не попадало;
Мечтал он постоянно о еде,
Хоть наливных плодов над ним немало;
Всё существо его оголодало.
Он вечность променял бы на глоток,
Но ничего его не ожидало,
Ему само грядущее не впрок;
Он вечно умирал и умереть не мог.

⁵⁹ Увидев, как несчастный бьётся тщетно,
Осведомился рыцарь, почему
Питанье для него навек запретно.
"Я по заслугам ввергнут был во тьму, -
Тот отвечал, - Тантал я, моему
Загробному страданью нет предела;
Ни голода, ни жажды не уйму
Я сам, но если жалость овладела
Тобой, попить, поесть, отважный, дай мне смело!"

⁶⁰ "Нет, алчнейший, преступнейший Тантал, -
Ответил рыцарь, - жизнь твоя земная
Губительна; ты грех предпочитал,
Теперь карает жизнь тебя иная;
Страдай же без конца, напоминая,
Как смертным неумеренность вредит".
Завыл преступник, Бога проклиная,
На грозного Юпитера сердит.
Смерть призывает он, а смерть его щадит.

⁶¹ И не преминул рыцарь поражённый
На грешника другого посмотреть;
Он поднял руки, в воду погружённый,
И продолжал их яростно тереть,
В воде готовый со стыда сгореть,
А руки у него не отмывались
И стать могли ещё грязнее впредь;
Над человеком воды издевались:
Попытки руки мыть ему не удавались.

⁶² Воскликнул рыцарь: "В чём ты виноват?"
"Я знаю цену всем земным затеям, -
Ответил он, - дурной судья Пилат,
Я Князя Жизни выдал иудеям.
Так на земле неправде мы радеем.
Злодей всегда злодею лучший друг:
Варавву я вернул родным злодеям;
Достоин я наитягчайших мук.
Запачкана душа, и не отмыть мне рук".

⁶³ Тут рыцаря Маммон окликнул строго,
Боясь, что средь карающей реки
Он грешников увидит слишком много
И хитрым искушеньям вопреки
Поймёт, что беса тешить не с руки;
Вскричал Маммон: "Зачем себе ты гадишь?
Бывают же такие дураки!
Вот золото! Со мною ты поладишь,
И в это креслице серебряное сядешь!"

⁶⁴ Нечистый подводил уже итог.
Безбожно лгал Маммон корысти ради,
А между тем отвратен и жесток,
Бес ненасытный скалил зубы сзади,
Стремился к незаслуженной награде
И растерзал бы жертву на куски,
Но рыцарь устоял к его досаде
И не попал в маммоновы тиски:
Сопротивляются соблазну смельчаки.

⁶⁵ Слабел, однако, рыцарь, изнывая,
Поскольку сон и пища - два столпа,
На коих жизнь покоится людская,
Усталость же в отчаянье слепа
И смерти поставляет черепа;
Три дня провёл Гюйон в краях загробных,
И, наконец, спросил он, где тропа,
Ведущая на свет от стражей злобных.
Хотелось рыцарю узреть себе подобных.

⁶⁶ Пришлось Маммону отпустить его,
Хоть не желал нечистый расставанья,
Но человеческое существо
Не вынесло бы дольше пребывания
Там, под землёй, где меркнут упования.
Герой покинул дьявольский тайник;
Был для него хмельней завоеванья
Благословенный воздух в этот миг,
И рыцарь доблестный в беспамятстве поник.

ПЕСНЬ XII

⁵⁰ Весёлый осенял там небосвод
Заманчиво приветные просторы,
Прельщающие множеством красот;
Зелёные раскинуло уборы
Искусство, мать неотразимой Флоры;
Оно Природу посрамить не прочь,
Которую преследуют укоры,
Когда выходит, провожая ночь,
Из горницы своей разряженная дочь.

⁵¹ Быть не могло под ясным небосклоном,
Ни диких бурь, ни мимолётных гроз;
Не угрожал кокетливым бутонам
Там никогда безжалостный мороз,
Угрюмый ненавистник нив и лоз,
И был там зной неведом беспощадный,
Душитель беззащитных нежных роз;
Дул ветерок там тёплый и прохладный,
Дух веял сладостный и ласково отрадный.

⁵² Был этот край отраднее холма
Родопского, где мать исполина
Убила, скорбная, себя сама,
Отрадней, чем Темпейская долина,
Где Дафна сердце Феба-властелина
Поранила, не чая смертных уз,
Отрадней, чем Идейская вершина
И чем Парнас, обитель вещей муз,
Едва ли не Эдем на прихотливый вкус.

⁵³ Гюйон смотрел с восторгом на красоты,
Которыми роскошный край богат,
Но были в сердце рыцарском оплоты,
Мешавшие нашествию услад;
Не мог его ни блеск, ни аромат
Заворожить, когда в приглядном лоске
Возникло перед ним подобье врат,
Чьи пышные приманки были броски:
Узоры-щупальцы и цепкие присоски.

⁵⁴ Свисали лозы с царственных ворот.
Поистине волшебная картина!
Тяжёлые просились гроздь в рот,
Изысканные предлагая вина,
А у плодов окраска не одина;
Цвет гиацинта виден там и тут,
А кое-где сладчайший смех рубина;
Все манят, все прельщают, все влекут;
И несозревший плод хорош, как изумруд.

⁵⁵ Так были разукрашены ворота,
Что гроздя золотились напоказ,
Но то была всего лишь позолота
Искусственная, чтобы тешить глаз
И соблазнять обилием прикрас,
А у ворот сидела чаровница,
Неопытных прельщавшая не раз;
Не то привратница, не то блудница,
Одета пышно, но неряшливо, срамница.

⁵⁶ Не повредив заёмной красоты,
Сок в золотую чашу выжимала,
Окрашивая нежные персты,
А тот, кто пил из этого фиала,
Не ведал, что она его поймала;
Так, предложив душистого вина,
Она гостей любезно принимала,
Беспечного просила пить до дна,
Хоть чаша левою рукой поднесена.

⁵⁷ Но чашу рыцарь сокрушил с размаху,
Предательскую жажду победив;
Он присовокупил осколки к праху,
Чувств роковым питьём не усладив;
Был гнев его при этом справедлив,
Так правота неправде отомстила,
Привратницу Чрезмерность рассердив,
Которая героя не простила,
Но всё-таки его покорно пропустила.

⁵⁸ Ему открылся преизящный рай,
Где прелести друг другом любовались,
Обилием чаруя невзначай;
Куртины там картинно красовались,
Цветы перед глазами рисовались,
Хрустальную овеивая гладь,
Над водами деревья целовались,
Гостей в жару готовы прохлаждать;
Везде искусство, но искусства не видать.

⁵⁹ Искусству там природа подражала,
Уродство маскируя красотой;
Природе же искусство возражало
Своею прихотливою мечтой;
Художество враждует с простотой,
Но в нескончаемом соревнованье,
Над грубой торжествуя нищетой,
Дополнив дарованьем дарованье,
Разнообразное творят очарованье.

⁶⁰ Был в самом сердце сада водомёт
Всех водомётов краше и богаче:

Брызг трепетных блистательный полёт
В лучистом смехе, в серебристом плаче;
Играли, вечной радуясь удаче,
Там изваянья отроков нагих;
Один резвился так, другой иначе;
Одни летали, глядя на других,
Купавшихся, пока вода лобзает их.

⁶¹ Плющ там прельщал своею цепкой лаской,
Который был из золота отлит,
Но щеголял естественной окраской,
Как настоящий, как живой на вид;
Печален плющ, однако веселит
Он сердце, млея в росах серебристых,
Как будто утешение сулит
Его слеза в потоке вод струистых;
Оплакивает пылких плющ и норовистых.

⁶² Для ручейков бесчисленных исток -
Тот водомёт, обильный и пригожий;
Его бассейн достаточно широк,
На маленькое озеро похожий;
Поверхность в лёгких бликах чуткой дрожи
Являла образ яшмового дна
(Недаром яшму ценят и вельможи);
И водомёт, казалось, дотемна
Плыл в море, где ему сопутствует волна.

⁶³ Там лавры над водой стояли строем,
И молча горделивые листы
Боролись, как могли, с полдневным зноем,
Струившимся с небесной высоты;
Не чувствуя под лавром духоты
Замешкался Гюйон, а две девицы
Нисколько не стыдились наготы;
Купались беззаботно озорницы;
Распушенности нет предела и границы.

⁶⁴ Весёлая шла рядом кутерьма;
Одна другую в воду погружала,
Потом ныряла радостно сама,
Прохладной влагой члены ублажала,
На что вода ничуть не возражала,
Красавицу лаская напоказ,
И всю её нескромно обнажала,
Готовую для сладостных проказ
И ненаглядную для ненасытных глаз.

⁶⁵ Юнец-рассвет при виде этой сцены
Забыл бы в небе сумрачном сверкнуть,
Как будто бы, рождённая из пены,
Киприда над водой подьёмлет грудь.

Как на золотоволосых не взглянуть?
Так рыцаря заставили красотки
Забыть, что продолжать бы надо путь;
И он в восторге от своей находки
Готов разнежиться от чувственной щекотки.

⁶⁶ Сообразив, что вся она видна,
Уразумев, что слишком осрамилась,
Скорее в воду спряталась одна,
Другая же, напротив, распрямилась,
Как будто бы сама к нему стремилась,
И, выставив лилейные соски,
По рыцарю приезжому томилась,
А плотские прельщали тайники
Воде насмешливой и тени вопреки.

⁶⁷ Тогда другая выпрямилась тоже,
Как будто бы откликнулась на зов,
И волосы, скользнув по белой коже,
Образовали золотой покров,
Скрыть златом кость слоновую готов,
Он пламенел, как ясное, дневное
Светило средь прельстительных даров;
Одно лицо сияло неземное,
Среди волос и волн таилось остальное.

⁶⁸ Красавица смеялась, покраснев,
И украшался смех невольной краской,
А гость глядел на обнажённых дев
И соблазнялся непристойной лаской,
Приободрён коварною подсказкой,
Телодвижений: ближе подойди!
Зачем стоишь поодаль ты с опаской?
Ты видишь: наслажденье впереди!
И сердце таяло у рыцаря в груди.

⁶⁹ Паломник видел, что Гюйон в смущенье,
Что слаб герой, как всякий человек,
И чувственное это восхищенье
Он твёрдо, но уверенно пресек.
Сказал он: "Вот она, Обитель Нег;
Об этом царстве ходит много басен,
Для нас, однако, рыцарь, это брег,
И ваш приезд Акразии опасен;
Когда сбежит она, был долгий путь напрасен".

⁷⁰ И сразу соизволил некий звук
Отчётливо поблизости раздаться,
Доказывая, будто рай вокруг
И можно безотчётно наслаждаться,
Но вряд ли смог бы смертный догадаться,
Что там звучит и сладостно поёт,

Пришельцу позволяя заблуждаться:
Казалось, вторит ясный небосвод
Гармонии ветров, струн, голосов и вод.

⁷¹ В тенистых куцах пташки щебетали,
Порхая средь созвучий и рулад
И голоса бесплотные витали,
Небесный образуя в небе лад;
Пел со струной серебряной каскад,
В согласии с каскадом струны пели;
В различных вариациях услад
То громкий горн, то нежные свирели,
И вторил ветерок певучий каждой трели.

⁷² Под мелодичный вкрадчивый мотив
Пленительная ведьма развлекалась,
Любовника на ложе залучив,
К нему плутовка пылкая ласкалась;
Пресыщенному прелесть примелькалась,
И задремал усталый, наконец,
А песнь ещё на песню откликалась,
И слышалось биение сердец,
Когда заигрывал с певицею певец.

⁷³ Над ним склонялась, полная коварства,
Изобрести пытаюсь эликсир
Или хотя бы некое лекарство,
Чтобы скорей воскрес её кумир
И продолжался непристойный пир;
Над спящим чародейка кротко млела,
Сон берегла его, но, как вампир,
Высасывала дух его из тела,
Хотя как будто бы несчастного жалела.

⁷⁴ А рядом упоённый голос пел:
"Где красота, там вечная угроза;
В цветке ты распознаешь свой удел!
Ты посмотри, как расцветает роза,
Стыдясь, боясь внезапного мороза,
Не поднимая нежного чела,
Потом обворожительная поза:
Смелеет роза, зная, что мила,
Но ты взглянул едва, и роза отцвела.

⁷⁵ Листок, цветок и жизнь твоя земная
Беспечная - у них такой удел,
И ты цветёшь, своей судьбы не зная;
Пока цветок благоуханный цел,
Для страстных душ и для влюблённых тел,
Он украшает полумрак алькова,
Но минул миг, и нежный облетел;
Увянуть роза юная готова;

Срывай цветок скорей, влюбляйся, жизнь сурова!"

⁷⁶ Ещё нежнее птичий хор запел,
Он подпевал певцу неугомонно,
Однакоже ничуть не преуспел;
Стремился рыцарь к цели неуклонно,
Поскольку знал, что действует законно,
Найдя в кустах укромный уголок,
Где грезил молодой распутник сонно;
Он с госпожой прекрасною прилѣг,
От опасений и от горестей далѣк.

⁷⁷ Она почила среди роз на ложе,
Любви отдав изысканную дань;
К разгоряченной белой льнула коже,
Как иногда бывает после бань,
Тончайшая, прозрачайшая ткань;
Соткѣт Арахна тоньше ткань едва ли;
Вы, провожая утреннюю рань,
Такие сети из росы видали:
На солнце сохнущие, с неба ниспадали.

⁷⁸ Грудь белая была обнажена
Для жадных взоров, но любовным жаром
Атласная чуть-чуть увлажнена,
Как будто бы окроплена нектаром
Или росой, сопутствующей чарам
Зари; слезинками увлажнены
Лучи зениц, пронзившие не даром
Сердца; так звѣзды, глядя с вышины,
Сияют ярче в зыбком зеркале волны.

⁷⁹ Был юноша-любовник с виду знатен,
И свежесть он отчасти сохранил,
Поэтому был грех вдвойне отвратен,
Который благородство осквернил,
И всё-таки лик спящего был мил
И мужеством светился, безмятежный,
Хотя себя красавец уронил
И стыд грозил бедняге неизбежный,
А на губах пушок едва пробился нежный.

⁸⁰ На дереве висел заветный щит.
Был герб с него бесчестием изглажен,
Но крепко спал не чающий обид,
Не ведая, что щит его изгажен,
А символ благородства не продажен;
Пропал юнец в пылу сердечных смут,
И очарован, и обескуражен;
Так сокрушает человека блуд,
И не спасѣтся неустойчивый сосуд.

⁸¹ Распутную врасплох застигнув пару,
Набросил рыцарь на обоих сеть,
Осуществив заслуженную кару,
Чтоб ведьма не развратничала впредь;
Сеть свил Паломник; он понатореть
Успел в науке, что страшнее жала
Для тех, чья участь со стыда сгореть,
Прочь свита посрамлённая бежала;
В тенётах пойманная ведьма задрожала.

⁸² Она рвалась, и рвался вместе с ней
Юнец, на всё для женщины готовый;
Искусство было всё-таки сильней;
Нашлись для них достойные обновы,
Надёжные, прочнейшие оковы;
Но цепью адамантовой сковал
Злодейку, потрясавшую основы,
А юношу, который сплоховал,
Воитель, развязав, покаяться призвал.

⁸³ Потом Гюйон жестоко, но прилежно
Всё разорил, не пожалев трудов;
Он сжёг дворцы, прельщавшие так нежно,
Ни рощиц не оставил, ни садов,
Ни кущ, ни водомётов, ни прудов,
Уничтожал без всякого почтения
Достойные роскошных городов
Чертоги, башни, редкие растенья;
Осталась вместо них обитель запустенья.

⁸⁴ С собою ведьму путники вели
С любовником, и оба шли в печали;
От бывшего эдема невдали,
На них свирепо звери зарычали,
Как будто на волшебницу серчали,
Паломник, впрочем, усмирил их вмиг;
Гюйон спросил его, что означали
Звериное ворчание и рык,
Хоть, разумеется, на воле хищник дик.

⁸⁵ Сказал Паломник: "Были эти звери
Людьми; они рабы своей вины
И понесли заслуженно потери;
Любовницей своей превращены
Они в зверей, которые страшны".
Воскликнул рыцарь: "Бедствие какое!
Не будут ли они укрощены,
Чтобы потом оставить нас в покое,
Когда вернётся к ним обличие людское?"

⁸⁶ Паломник трогал всех зверей жезлом,
И превращались в человеков твари;

Обезображены привычным злом,
Слегка стыдились, впрочем эти хари.
И, соучастники в преступном жаре,
Жалели госпожу свою тайком;
Был некто Грилл привержен прежней каре
И, разъярившись в образе людском,
Жалел о времени, когда был он хряком.

⁸⁷ Сказал Гюйон: "Смотри, ему постыла
Обличия людского красота;
Людская суть ему всегда претила;
Вновь превратиться жаждет он в скота".
Паломник молвил: "Что ж, своя мечта
У каждого; дадим ему свободу!
Грилл - это хряк, он людям не чета,
Свиную сохраняет он породу,
А нам отчалить бы в хорошую погоду!"

Книга третья

ЛЕГЕНДА О БРИТОМАРТЕ ИЛИ О ЦЕЛОМУДРИИ

ПЕСНЬ VI

²⁹ В свой милый рай младенца принесла,
Где обитает на земле Венера
И потому обитель та светла;
С ней не могли ни Пафос, ни Кифера,
Ни Книд сравниться; дышит эта сфера,
Сияющая как бы вне времён,
Уладами, для коих нет примера,
И потому сладчайшим из имён
Был сад Адониса богиней наречён.

³⁰ А госпожа Природа насадила
Прекраснейшие в том саду цветы,
Которыми любимых наградила;
То был питомник форм и красоты,
Где возникают разные черты
Вещей, где зарождаются явленья,
Многообразные без пестроты
Сверх перечня и сверх перечисленья;
Нельзя не дать о них, однако, представленья.

³¹ Там почва по старинке не бедна,
И в том саду растительность густая,
И две стены вокруг него: одна
Железная, другая золотая;
Врата двойные у земного рая
Не допускают взломов или краж,

Впуская в этот сад и выпуская;
Там старый Гений - неусыпный страж,
И естество его двойное - не мираж.

³² Впускает он, и он же выпускает
Всех тех, кого пространный мир влечёт,
Младенцев голых плотью облекает,
Одаривая всех наперечёт
И назначает каждому черёд,
Кому изведать этот мир охота
И там влачить отвратный плотский гнёт,
А кто устал от грязного болота,
Тот возвращается сквозь ветхие ворота.

³³ И снова в сад они возвращены,
Чтоб возвращённых там укоренили,
Сподобив их целительной весны,
Чтобы, забыв соблазны плотской гнили,
Они тысячелетьями хранили
Свой облик, за которым чудеса,
И вновь первоначалам изменили,
Впадая в мир, хотя цела краса;
Так совершается вращенье колеса.

³⁴ Деревьев подрезать в саду не нужно,
Не нужно там ни сеять, ни полоть;
В саду произрастают вещи дружно
И помнят Слово; Словом же Господь
Небытие изволил побороть,
Велев произрастать и размножаться
Цветам, кустам, деревьям, злакам вплоть
До трав; дождям не нужно раздражаться
Над ними; влаге в них дано всегда держаться.

³⁵ Там твари нерождённые кишат,
Готовясь обрести тела и туши,
В причудливых обличьях мельтешат
Гостеприимной чающие суши;
В них оживут существ разумных души
И души птиц, чья звучная игра
Так нравится имеющему уши;
Там рыба образует икра,
Которой тесен океан, чья глубь щедра.

³⁶ Там воплощалось образов немало,
Чтобы земля была заселена,
Однако их число не убывало,
Грядущие встречая времена;
Сокровищница образов полна,
И напрягаясь в плодоносной смуте
Всемирная рождает целина,
Где вечный хаос бьётся в древней жути,

Перенасыщенный прообразами сути.

³⁷ Так возникает вещь из вещества,
Чтобы потом формировалось тело
Приметами живого существа,
Которое прорваться в мир хотело,
Но вещество всегда и всюду цело,
Не убывает жизненный запас,
И сколько бы веков не пролетело,
Не больше и не меньше, чем сейчас,
Мир переменчивый в чередованье фаз.

³⁸ Субстанция при этом неизменна;
Меняется не сущность, а предмет,
Поскольку на земле природа тленна;
Теряется обличье и цвет,
Однако веществу износа нет;
Уходит форма, форме сострадаая,
В течении неудержимых лет;
Цветок прекрасный никнет, увядая;
Под солнцем лилия погибнет молодая.

³⁹ Но под угрозой дерево и злак,
Всё, что под солнцем производит семя;
Свирепствует неумолимый враг;
Он с крыльями, и он зовётся Время;
Всё это жизнерадостное племя
Падёт от беспощадного серпа;
Для смертных возраст - гибельное бремя;
Где черепки, там также черепа,
И ярость Времени безжалостно слепа.

⁴⁰ Земную красоту жалеют боги,
Всё рушится под натиском обид,
И мать Венера не чужда тревоги,
О детищах своих она скорбит;
Убийственный невыносимый вид!
Судьба в своих решеньях непреклонна,
Бег времени для жизни ядовит,
Спасенья нет от общего закона,
И вечная любовь для смерти не препона.

⁴¹ Когда бы время не косило всех
И не грозило мирным наслажденьям,
Сад процветал бы среди земных утех,
Безоблачным питаясь наслажденьем,
Поскольку, не подвержен заблужденьям,
Там любящий любимую любим,
И ревность он считает наважденьем,
И потому там хорошо двоим;
Любовь ласкает их веселием своим.

42 Весна в саду блаженном вечно длится,
Не ведая ненастья и невзгод;
Цветок ещё на ветке шевелится,
А рядом созревает сладкий плод;
Достаточно в саду проточных вод;
Средь лиственно-лазурного простора
Там птица беззаботная поёт;
Отрады там не омрачает ссора,
И не боится в том саду любовь позора.

43 И в том земном раю была гора,
Где ласковые мирты выросли;
Была цела их нежная кора;
Неведомо прикосновенье стали
Тем деревьям, и звери бы не стали
Царапать их, не причиняя зла
Святым ветвям, которые сплетали
Гирлянду над горою; лишь смола
Благоуханная сама собой текла.

44 Так с гибкой веткою сплеталась ветка
Там, где благоуханный произрос
Лес, что возникла тихая беседка,
Которую и плющ, и шипороз,
И жимолость, подруга диких лоз
Образовали, кров прохладный строя,
Надежно защищающий от гроз,
От жгучего, полуденного зноя
И от ветров, когда бушуют ветры, воя.

45 В саду цвели различные цветы,
Земные образы любви печальной;
Там Гиацинт исполнен красоты,
Любимец Феба, там же над хрустальной
Водой Нарцисс, раб зыбкости зеркальной,
И в горестно кровавом багреце
Там Амарант цветёт многострадальный,
Там Амарант, напомнив о конце
Аминты, будит вдохновение в певце.

46 Туда идёт прекрасная Венера
Адониса любимого обнять;
Там вечное блаженство - не химера,
И можно там на Время не пенять;
Там ароматы может обонять,
От зависти стигийской удалённый,
Адонис, чьё призвание - пленять;
Принадлежит он там навек влюблённой
Богине и её любви неуголённой.

47 Адонис тоже умер, говорят,
Хоть неизвестно, где его могила;

Глогает ночь забвенья всех подряд
И никого ещё не пощадила;
Однако же Венера победила;
Пускай со всеми канул он во тьму,
Изменчивость - целительная сила,
Хотя за ней не уследить уму;
Меняя образы, он жизнь даёт всему.

⁴⁸ Блаженствует, по-прежнему прекрасен,
И радуется богиню милый лик,
И сладостному телу не опасен,
Губительный и беспощадный клык;
Пусть вепрь по-прежнему свиреп и дик,
И человечность не проснулась в звере,
Которым был повержен чаровник;
Вновь не подвергнется любовь потере;
Под райскою горой зверь заточён в пещере.

⁴⁹ Блаженствует Адонис в том саду,
Среди богов навек забыв утраты
И прежнюю печальную вражду;
С ним вместе мальчик тешится крылатый,
Во многих преступленьях виноватый,
А там стрелок откладывает лук,
На гибельные стрелы тороватый,
И никому не причиняя мук,
Играет в том саду с Адонисом сам-друг.

⁵⁰ Там обрела Психея Купидона,
Которому всегда была верна;
Устранена последняя препона,
И прощена невольная вина;
Смиренницей была побеждена
Упрямая Венерина досада,
А верность в браке вознаграждена
Рождением возлюбленного чада;
У Купидона и Психеи дочь Отрада.

⁵¹ И в этот рай Венера принесла
Меньшую дочь красы Хрисогоней,
Которая владычице мила,
И вверила дочь благородной феи
Заботам обаятельной Психеи,
Которая растила вместе с ней
Отраду, чтобы женские затеи
С младенческих первоначальных дней
Обеих сблизили в девичестве тесней.

⁵² Так выросла прелестная девица
Всех совершенств любезный образец;
Достоинству сулила чаровница
Любви недостижимый венец;

Двор духов посетила, наконец;
Для дам звездою стала путеводной
И множество чувствительных сердец
Затронула красою благородной,
И доблесть жаждала награды превосходной.

⁵³ Был только рыцарь Скудамор любим
Красавицей, и верность сохранила
Она ему, едина сердцем с ним,
Хотя вражда изменою дразнила,
Глумясь над беззащитною, манила
Туда, где ждёт непоправимый стыд,
И всё-таки её не соблазнила,
Немало горьких причинив обид,
О чем вам прочитав в дальнейшем предстоит.

⁵⁴ Но прочитав, наверно, вы хотели
О деве, за которой лесовик
Погнался, но достичь не мог он цели;
Сражённый храбрым Тимием, поник
Он с братьями, чей образ жизни дик;
А дева Флоримель узнать хотела
Где Маринель, чей горделивый лик
Был дорог ей, хоть горше нет удела,
И от Артура дева пташкой улетела.

*Перевод с английского
Владимира Микушевича*

Эдмунд Спенсер. Королева фей. Фрагменты
[Митин Роман](#)

Эдмунд Спенсер

Королева фей. (Фрагменты)

Книга 1, Песнь 1

(Вступление)

Вот я, укрыт одеждой Пастухов –
Так Муза проявила власть свою.
Теперь я поменять судьбу готов,
Сменю на трубы я свирель мою
И песнь о духе Рыцарства совью,

Пусть слава Рыцарей проснётся вновь,
Так Муза мне велит: я воспою
И Дам Прекрасных верную любовь,
И битвы лютые, и пролитую кровь.

Edmund Spenser

The Faerie Queene

Book 1, Canto 1

Lo I the man, whose Muse whilome did maske,
As time her taught, in lowly Shepherds weeds,
Am now enforst a far vnfittertaske,
For trumpets sterne to chaunge mine Oaten reeds,
And sing of Knights and Ladies gentle deeds;
Whose prayseshauing slept in silence long,
Me, all too meane, the sacred Muse areeds
To blazon broad emongst her learned throng:
Fierce warres and faithfullloues shall moralize my song.

Оригиналы остальных фрагментов можно увидеть
В сборнике «Чёрные рыбы» на сайте
<http://www.rvmitin.narod.ru>

(Рыцарь Красного Креста)

Вот рыцарь юный скачет на коне
С оружием мощным и в броне стальной.
Пока ещё он не был на войне,
С врагами не вступал в кровавый бой,
(Доспехами его владел другой).
Скакун кусает удила, храпит,
Коня такого не смирить уздой,
Но рыцарь, как влитой, в седле сидит,
К сражениям готов, приняв достойный вид.

Он на груди кровавый крест носил,
Чтоб помнить господина своего,
Который в битве голову сложил.
И мёртвого он обожал его
И чтил так, как живого, оттого
Крестом отметил щит и свой наряд.
И не боялся рыцарь никого,
Хоть был суров и так печален взгляд,

Он знал – всегда вперёд и нет пути назад.

(Сон Морфея)

Двойные двери видит пред собой,
Одна – из плит чёрных костяных,
Серебряный орнамент на другой.
Он видит злых собак сторожевых –
Грозу врагов и путников чужих,
Заграду от непрошенных гостей.
Проходит Эльф спокойно мимо них
Туда, где в грёзах сна парит Морфей –
Он охранён от зла дремотою своей.

Баюкая его волшебный сон,
Там со скалы ручей, струясь, журчит,
И лёгкий ветер веет из окон,
И тихо вечный дождик моросит,
Как будто рой сонливых пчёл жужжит.
Ни шороха, ни звука за стеной,
Там город сонный, от врагов укрыт,
Затоплен бесконечной Тишиной.
Молчанье вечное, магический покой.

Book 1, Canto 2

(Рассвет)

Уже Возничий, натянув бразды,
Повлёт упряжку из семи коней
Вокруг оси – недвижимой звезды,
Что свет свой шлёт с небес для кораблей,
Плывущих над пучинами морей.
Вдруг радостный петух вскричал в ночи –
Феб в колеснице огненной своей
Уже летит. Как острые мечи,
Ночь прогоняя прочь, горят его лучи.

Book 1, Canto 4

(Люцифера)

Царица Зла надменна и горда,
Сияет золотом её высокий трон,

Её глаза с презрением всегда
На всех глядят. Свирепый зверь – Дракон
У ног её лежит, ужасен он.
Сжимает зеркальце она рукой
И смотрит на себя со всех сторон,
И всё любит себя она собой,
Своей волшебной, несравненной красотой.

Неправдою захвачен был престол,
Царицей назвалась она сама,
И узурпатором на трон взошёл
Синклит – тиран, жестокость, зло, тюрьма.
И Люциферой, чьё имя Тьма,
Прозвал её народ. Шесть «Мудрецов» –
Её страной правят без ума,
Советники – собрание грехов,
Закон нет, лишь ловкость хитрых подлецов.

(Шесть пороков)

Возок везли шесть избранных скотин,
На каждой свой Мудрец сидел верхом,
(Двойник скотины был тот господин).
И Лень была тут главным Мудрецом –
Мать всех пороков пополам с грехом
Взобралась на ленивого осла,
Поплёлся тот медлительным шажком –
Упряжка из-за них едва ползла.
В клубок монашеский одета Лень была.

Мудрец второй, Обжорство, ехал вслед
И управлял он мерзостной свиньёй.
Таких господ ещё не видел свет –
Он отличался страшной толщиной,
На шее – подбородок четверной,
И каждый день он столько пищи жрал,
Хватило бы на год семье иной.
Всё время он пыхтел, сопел, икал
И непотребно, как свинья, смердя, рыгал.

Мудрец был третий – Похоть. На козле
Косматом, бородатом он сидел.

Он был всегда слегка навеселе,
Когонибудь растлить всегда хотел,
Зелёный, похотливый глаз блестел,
Подчас ловил он Дам прекрасных взгляд,
Смущал покой душ грешных, жарких тел,
Вливал в глаза тлетворный, сладкий яд.
Кто знает женщин, о, чего ж они хотят?

Четвёртый – Скупость, вёз верблюдов его
И на горбах два сундука таскал
Железных, так тяжёлых – оттого,
Что золото в них, измененный металл,
Но душу за него Скупец продал.
Скупой старик, презренный ростовщик,
И день, и ночь он золото считал.
Его верблюды двугорбы, а он – двулик,
Ложь, истина – равны, он так считать привык.

И следом – Зависть, волк её несёт,
Поймала жабу злую под кустом,
Зубами острыми её грызёт.
Кровь жабы – с ядом, в животе пустом
Яд жжёт живую плоть её. О том
Не знает Зависть, занята она,
Глядит она тайком в соседский дом,
Сосед богат – и злобой сражена,
Услышит о беде, и радостью полна.

Шестой Мудрец – свирепый, лютый Гнев
С горящей жаром головней в руках,
Под ним был мерзкий, злобный, дикий лев.
С огнём, горевшим в бешеных глазах,
Гнев головней крутил во весь размах
И, как пращу, над головой вращал,
Смертельно бледный, с пеной на губах.
Потом схватился с криком за кинжал,
И желчь в нём разлилась, затрясся, задрожал.

За ними всеми сзади, на возке
(Ну, наконец, настал его черёд)
Сам Сатана сидит на облучке,
Нещадно он бичом дерёт, сечёт
Ленивую упряжку – Но! Вперёд!
А черни веселящейся толпа
Глазеет и чуть со смеху не мрёт.
Под их ногами – кости, черепа
Людей умерших, в ад ведущая тропа.

Book 1, Canto 5 (30 -34)

(Вход в ад)

Покуда Ночь катилась над землёй,
Железной колесницы ржавый скрип
Будил собак повсюду за собой –
Разнёсся громкий лай и злобный хрип.
Вдруг стонущий, ужасный звук возник,
То вестник смерти, Филин закричал,
Издав своё Фу-Бу, зловещий крик.
Тут Волк завыл и заскулил шакал,
У всех злой Ночи лик страх, ужас вызывал.

Вот Ночь с колдуньей, молча, не спеша
С племянником изрубленным своим,
Под тяжестью его едва дыша,
Спускаются вниз кратером крутым.
Оттуда поднимался серный дым,
То был Аверн, дыра у входа в ад,
Откуда уж не выбраться живым,
Там духи адские вход сторожат,
Цепями Фурии ужасные гремят.

Так двигались они, на всём пути
Возка колёса по крови скользят,
К дворцу Плутона страшно подойти,
Дрожащие там призраки стоят,
И зубы их железные скрипят.
Толпятся демоны со всех сторон,
Ужасен их недвижный, жуткий взгляд,
Дивятся – кто же разума лишён,
Что в самый ад осмелился спуститься он.

Вот горькая река, то Ахерон –

Людского горя скорбный водопад,
А вот поток огня, то Флегетон,
Тут души грешные в огне горят,
Визжат, от боли корчатся, вопят –
Будь проклят Бог, что нас послал сюда,
Для вечных мук создал подземный ад,
Где тысяч кар ужасная череда
Ждёт грешников земных навечно, навсегда.

А дальше тварь, ужасней всех зверюг,
То Цербер – трёхголовый адский пёс,
Клубились змеи – тысячи гадюк
На головах его вместо волос,
Кровавый, огненный язык пророс
Из каждой пасти мерзкой, хриплый вой
Раздался, грозно лапу он занёс,
Но тут поник он каждой головой,
Ведь Ночи власть сильна везде – и под землёй.

Book 1, Canto 6

(Корабль)

И как корабль, послушный парусам,
Вдруг миновал подводную скалу,
И Рулевой, взывая к небесам,
Богам возносит позднюю хвалу,
Что помогли рулить его веслу,
И рад он, что глупцам всегда везёт:
Не понял Элфин, рад ли он, что злу
Не повезло, или, наоборот,
Ошибкой огорчён? Но всё равно – вперёд!

Book 2, Canto 12 (2 -6)

(Плавание)

Два дня проплыли по морским волнам,
Повсюду пусто, ни души живой,
Спокойно всё кругом, хвала Богам!
Когда же третий День сквозь мрак ночной
Взошёл дрожащим светом над водой,
Услышали они зловещий гул,
Пугающий, грозящий им бедой,

И вот гигантский вал хребет взметнул,
Подбросил их челнок и вниз швырнул.

Держитесь, Отче! – Кормчий закричал,
Держите твёрже курс, сейчас назад
(Господь, спаси!) вернётся этот вал.
То Жадности Жерло, так говорят,
Глубокой глоткой жрёт оно подряд
Всё, что беспечно рядом проплывёт,
Всё засосёт в кромешный, мутный ад,
Потом обломками его тошнит и рвёт,
Тот обречён, кто в эту глотку попадёт!

Недалеко от жуткого жерла
Утёс огромный – каменный Магнит,
Отвесная гигантская скала
Над водами глубокими висит,
Внушает страх её зловещий вид.
Кто ближе подплывёт, того она
К себе притянет, он не избежит
Объятий мощных, будет смерть страшна,
Обломки унесёт безжалостно волна.

Тогда направили они свой чёлн
Туда, где близок был водоворот,
Но был слабей напор жестоких волн,
На вёсла навалились и вперёд
Помчались, а затем, наоборот,
Челнок направив прямо в грозный вал,
Насквозь прошли, казалось, он вот-вот
Проглотит их, но бездны уж провал
Был пройден, тщетно он ревел и грохотал.

Но, проплывая, видели они
Крутящуюся жуткую дыру,
И входу в ад она была сродни,
Внутри, подобно Тартара нутру,
Черным-черно. Наверно, поутру
Влетают духи адские сюда,
Свершив ночные пакости. В нору
Кто попадёт из смертных – он тогда
Вертеться будет там до страшного суда.

(Угроза)

Вот Ночь влечёт угрюмый саван свой,
И небеса в тяжёлых облаках,
И каждый смертный, мрачной темнотой
Испуган, спит, чтоб сном укрыть свой страх.
Но тут, как гром, раздался в небесах,
Как битвы знак, Трубы победный звук,
Известьем о поверженных врагах –
Она не дрогнула, презрев испуг,
Спокойно, смело осмотрела всё вокруг.

Но тут злой молнии сверкнул огонь,
Ударил гром, свирепый ветер взвыл,
И серы ужасающая вонь,
И чёрный дым вокруг неё поплыл.
Всё дрогнуло, как будто сорван был
Вселенной центр, рычаг оси земной.
Но ужас сей её не устрашил –
Пусть твердь небес трещит над головой,
Но Бритты храбрые не дрогнут пред судьбой.

Book 6, Canto 10

(Корона)

Смотри – Короны свет меж облаков,
Она венчает звёздный небосвод,
(Тесею с Ариадной дар богов –
Кентавры на Лапитов шли в поход
Тогда, об этом память всё живёт).
Сейчас сияет в небесах она,
Чудесный, светлый, звёздный хоровод.
Вокруг неё небесная страна
Кружит, прекрасною гармонией полна.

(Танец граций)

Вершина там виднелась во мгле,
Лесами буйными окаймлена,
Ввысь вознеслась с презрением к земле
Высокая зелёная стена.
В ней певчих птиц весёлая страна
Раскинулась, над ней орёл парил,
Была она ему подчинена.

Он справедливо, как Король, царил –
Залог величия могущественных сил.

По склонам там, журча, бежит поток,
И чистоты серебряных стремнин
Доселе осквернить никто не мог,
Ни дикий зверь, ни грубый селянин,
Ни некий благородный господин.
На берегах ручьёв в тени ветвей
Встречали там Наяд, речных Ундин
Лишь птицы вольные; лишь соловей
Свивал журчанье волн с мелодией своей.

Чуть Элфин к той поляне меж кустов
Приблизился, как он услышал вдруг –
Как будто клики звонких голосов,
Свирели отдалённый резкий звук –
И Эхо откликалось вокруг.
А сквозь листву он еле разглядел
Танцующих Девыц весёлый круг,
Внутри меж них Пастух простой сидел,
К губам свирель прижав, и кто-то песню пел.

Он начал незаметный путь искать,
Чтобы из леса выйти на простор,
Но так, чтоб танцу их не помешать.
Вот на поляну устремил он взор,
И тут почувствовал стыда укор,
Но отвести не мог уж глаз своих –
Сто белых, как снега далёких гор,
Невинных, юных девочек нагих
Плясали на лугу среди цветов лесных.

Кружил, плясал девичий хоровод,
Как будто оторвались от земли,
Летали в танце девочки. Но вот
Три Девы юные в их круг вошли,
И в танец песню новую вплели.
И тут, как будто вешние цветы,
И девочки и Девы расцвели:
Спустилась к ним небесной красоты
Девыца – идеал невинной чистоты.

В восторге Калидор на всё глядел,
Такого никогда не видел он,
Но в глубине души всегда хотел.
Он был и восхищён, и удивлён –
То снится наяву волшебный сон?
Была то свита Королевы фей?
Кем образ Нимф и Фей был сотворён?
Тут вспомнил он о храбрости своей
И вышел из кустов, покинув сень ветвей.

Но девы, лишь увидели его,
Из виду вдруг исчезли словно дым,
Пуста поляна, нет там никого,
Остался лишь Пастух с рожком простым...